

МИХАИЛ

Лестница
страха

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЖОВ

Русский детектив

Михаил Ежов

Лестница страха

«Центрполиграф»

2013

Ежов М.

Лестница страха / М. Ежов — «Центрполиграф»,
2013 — (Русский детектив)

Черeda странных убийств напугала жителей сонного спального района. Мистические знаки, вырезанные на коже, и мудреные узлы, стягивающие плоть жертв, предлагают два пути решения загадки. Один из них ведет в клуб любителей японского эротического искусства связывания, другой – в загородную резиденцию последователей темного культа. Выбрать правильный путь, найти и обезвредить убийцу предстоит следователю Смирнову и дознавателю Казимову. Однако удастся ли им справиться с собственными демонами?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Ежов

Лестница страха

*Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь.
(Рим., 1: 25)*

Глава 1

Лена закрыла воду и прислушалась. Ей показалось, что в домофон звонили. Однако в квартире было тихо, только из крана капала вода: в последнее время он стал подтекать, наверное износилась прокладка. Надо будет вызвать сантехника.

Она взглянула на недомытую посуду: пара тарелок, чашка и вилка. Ерунда, дел на пять минут. Она снова пустила воду и тут услышала звонок. Теперь звук был вполне явный. Вновь закрутив кран, она вытерла руки о висевшее слева от плиты полотенце и поспешила в коридор. Сын вроде бы еще должен быть в школе, а дочь живет отдельно с мужем. Наверное, разносчики рекламных листовок не могут попасть в парадное, подумала она. Лену раздражали эти люди, раскидывающие по ящикам никому не нужные бумажки и вечно трезвонящие в домофон. И добро бы, честно говорили, что им надо, а то вечно врут, что с почты. Как будто жильцы не знают, что у почтальонов есть универсальные ключи, да и ходят они утром. Тем не менее Лена всегда открывала дверь – не слушать же, как по квартире разносятся звонки.

Она сняла трубку, раздраженно буркнула:

– Да?

– Почта, откройте, пожалуйста.

Так она и думала! Поджав губы, Лена нажала на кнопку домофона и, повесив трубку, поспешила обратно на кухню. Однако помыть успела только чашку: в дверь позвонили. Это было совсем уж странно. Лена вернулась в прихожую, открыла внутреннюю дверь и приникла к глазку. На площадке было темно, хотя она помнила, что еще полтора часа назад, когда она ходила в магазин, горела лампочка. Раздался еще один звонок. Лена вздрогнула от неожиданности и выпалила:

– Кто там?!

Смирнов опустил бинокль Zeiss – свой собственный, не казенный – и взглянул на полицейского, стоявшего рядом. Молодой парень в шлеме с пластиковым забралом и кевларовом бронежилете не снимал руки с резиновой дубинки, висевшей на поясе. За ним виднелось еще с десятков бойцов, некоторые из них были вооружены электрошокерами. Слева расположились полицейские с автоматами «витязь», официально еще не поступившими на вооружение, но использовавшимися в некоторых операциях в качестве испытательных образцов.

– Ну что? – проговорил Смирнов, повернувшись к полицейскому, придерживавшему автомат у пояса. – Будем ждать?

Тот молча кивнул.

– А если не выйдет?

– Тогда войдем. По плану у нас еще десять минут, – добавил полицейский, взглянув на большие пластмассовые часы с электронным циферблатом.

– Ладно, – пожал плечами Смирнов.

Сам он был вооружен табельным «Макаровым», но в ход его пускать не собирался. Предстояла обычная облава на незаконных мигрантов, проще говоря, гастарбайтеров, так что авто-

маты присутствовали в отряде только для страховки – обойтись надо было дубинками и шоке-рами.

Нелегалы находились на стройке, минут через десять должен был подойти автобус со второй сменой. Он же увозил первую в ночлежку, которой служил предназначенный на снос дом, расположенный километрах в шести под Питером. Зачем и кому понадобилось потревожить это гнездо мирных тружеников ремонтно-отделочного фронта, Смирнов понятия не имел и особенно подобными вопросами не задавался: причин могло быть «громадьё», как писал советский поэт Владимир Маяковский. Зато таким образом убивались сразу два зайца: полиция задерживала обе смены и бригадира – так сказать, с поличным.

Следователь операцию не готовил, он вообще о ней узнал накануне. Его отрядили для наблюдения. Это означало, что Смирнов должен присутствовать при задержаниях и, если что-то пойдет не так, подтвердить, что бойцы действовали в рамках закона. Бинобль он прихватил для солидности и чтобы видеть происходящее, а вернее, начало операции. Он сам не был защищен ни жилетом, ни шлемом и должен был войти только после того, как бойцы проведут зачистку, то есть положат нелегалов «мордой в пол», как смачно объяснил Дитруков, лейтенант, командовавший операцией, тот самый, к которому Смирнов обращался с вопросами.

Они ждали бригадира – человека, набиравшего гастарбайтеров на строительство объекта. Он приехал полчаса назад посмотреть, что сделано за день, и проследить за тем, чтобы все «гости» из первой смены сели в автобус и доехали до места ночевки. У него же были паспорта наемных работников, которые он, конечно, с собой не носил, а держал в надежном месте, скорее всего, даже не в офисе, а у кого-нибудь из знакомых – на случай, если будет неожиданная проверка из полиции.

Бригадира звали Егор Зулин, было ему сорок два года, и жил он в коттедже под Питером. Его «тойота» была припаркована перед входом.

– Автобус! – тихо объявил кто-то из наблюдателей.

У каждого участника операции в ухе был наушник рации, так что новость сразу стала общим достоянием.

– Приготовиться! – отдал приказ Дитруков.

Бойцы зашевелились, переходя к первому уровню готовности. Смирнов ощутил, как внутри что-то сжимается от предвкушения. Хотя операция наверняка будет краткой и скучной, одернул он себя. Он не так давно стал следователем, и ему иногда не хватало опыта оперативной работы. Правда, Смирнов часто «выходил на землю», расследуя дела, но это, как правило, были опросы-допросы, разъезды и разговоры. Здесь же намечался хоть какой-то экшен.

Автобус подъехал к входу и остановился метрах в пяти от бригадирской «тойоты». Водитель посигналил и открыл окно. Было видно, как он закуривает, готовясь к долгому ожиданию. Гастарбайтеры из второй смены выходить не торопились – ждали, пока выведут их предшественников.

– Пошли! – скомандовал Дитруков.

Смирнов с интересом пронаблюдал за тем, как бойцы двинулись вперед. Было заметно, что они много раз проделывали подобное – настолько четко и слаженно действовали. Следователь едва не ринулся вслед за ними, но взял себя в руки: вначале заходит отряд, а он уже потом, на готовенькое.

Водитель заметил приближающихся бойцов за несколько секунд до того, как перед ним замер человек с автоматом, недвусмысленно направленным в лобовое стекло. Движением ствола полицейский приказал ему поднять руки, что водитель незамедлительно проделал. В его левой руке дымилась только что зажженная сигарета. Остальные бойцы по двое входили в ворота. Как только последний скрылся из вида, Смирнов торопливо засунул бинокль в футляр на поясе и поспешил к месту действия.

Когда он вошел в ворота, то ничего особенного не увидел, зато услышал крики, доносившиеся из синего контейнера, служившего рабочим раздевалкой. Большая коробка из гофрированного железа была снабжена трубой и несколькими маленькими окошечками, располагавшимися под самым потолком. Смирнов направился к контейнеру.

Дверь была распахнута, и внутри виднелись фигуры полицейских и гастарбайтеров, большая часть которых лежала на полу, положив руки на затылок. Следователь поднял было ногу, чтобы переступить порог, как вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он остановился и огляделся. Стройка выглядела пустой: груды кирпичей, тачки с остатками цемента, трепещущие на ветру куски полиэтилена, закрывающие доски, и почему-то несколько оконных проемов. Взгляд полицейского задержался на одном из них: нижний угол пленки был приподнят, и Смирнов мог поклясться, что видел мелькнувшие в дыре глаза. Первой мыслью было позвать кого-нибудь из бойцов, но, заглянув в контейнер, следователь не заметил ни одного человека, не занятого делом. Все были сосредоточены и действовали так отлаженно, что казалось просто невыполнимым оторвать одну из этих фигур от дела. Смирнов отступил от контейнера и вытащил пистолет. Подумал и, на всякий случай послав патрон в ствол, снял оружие с предохранителя. Может, человек просто испугался и решил не высовываться, а может, у него серьезные основания прятаться, подумал следователь. А тогда где гарантия, что он там не с большой засел или обрезком трубы? Лучше перестраховаться.

Смирнов направился к проему, предназначенному под парадный подъезд. К нему вели грубо сколоченные, прогибающиеся под ногами мостки. Следователь заглянул в строящееся здание. Здесь тоже трепетал на ветру полиэтилен, и повсюду были сложены стройматериалы. Они образовывали баррикады, за которыми вполне можно было укрыться. Следователю показалось, что он видел человека на третьем этаже, а значит, предстояло подниматься вверх. Ему пришло в голову, что нелегал вполне мог уже где-нибудь затаиться: наверняка с этажей вела не только эта лестница. Тем не менее он направился к бетонным ступеням. Внутри здания все казалось каким-то нереальным, призрачным – должно быть, из-за того, что производило впечатление чего-то одновременно и недоделанного, и приходящего в упадок. Практически так же выглядели дома, предназначенные на снос, только в них было еще и нагажено. Поднимаясь по лестнице, Смирнов вспомнил, что в одном из подобных зданий живут гастарбайтеры.

– Валер, ты где? – раздался в ухе недоумевающий голос Дитрукова. – Мы готовы!

Следователь не ответил. Он продолжал подниматься, внимательно глядя по сторонам.

– Смирнов, ё-моё! – снова ожил динамик. – Где тебя носит?

Второй этаж. Пусто. По крайней мере, на первый взгляд. На всякий случай Смирнов обошел его, заглядывая во все углы. Его сопровождало недовольное бормотание Дитрукова.

– Мы их выводим! – наконец объявил тот и отключился.

Следователь поднялся на третий этаж. Человек был здесь, но исчез. Смирнов подошел к окну и осмотрел пол, однако никаких следов не обнаружил. Не было и личных вещей – ничего, что указывало бы на то, что еще недавно здесь кто-то стоял. Может, все-таки показалось? Но полицейский привык доверять своим глазам. Поэтому он медленно двинулся вдоль периметра, осматривая все «баррикады» из стройматериалов. Ветер тихо завывал, проникая сквозь оконные проемы.

Пистолет жег руку – Смирнов терпеть не мог оружие, оно казалось ему уродливым порождением большой человеческой мысли. Но и подставляться под удар он не собирался – иначе не пошел бы служить в полицию.

Он заканчивал обход этажа, когда рация снова ожила.

– Смирнов, мать твою, где ты шляешься?! – Дитруков не скрывал возмущения и раздражения. – Мне что, еще тебя искать, что ли?

– Замечен объект на третьем этаже, – тихо ответил Смирнов, понимая, что больше в молчанку играть нельзя.

– Что?!

– В здании человек, – пояснил следователь. Ему показалось, что в этот момент вокруг стало как-то тихо и напряженно, словно стены прислушивались к его словам.

– Мы идем! – тут же отреагировал Дитруков.

Смирнов остановился, прикидывая, куда мог деться гастарбайтер. Вариантов было два: либо убежал наверх, либо спустился по черной лестнице. Но за пределы стройплощадки ему все равно не выбраться, размышлял следователь, – в цельности периметра полицейские убедились еще до начала операции. И все же где-то мог быть закуток, в котором человек затаился. Тем не менее нужно было проверить здание. Смирнов понимал, что бойцы это сделают и без него, так же как прочесали территорию. Остаться на этаже не было смысла. Он направился к лестнице и почти сразу увидел поднимающихся навстречу полицейских.

– На третьем чисто, – покачал головой Смирнов.

Те кивнули и промчались мимо. Следователь почувствовал разочарование, смешанное с облегчением. С одной стороны, он не смог взять нелегала сам, а с другой – все закончилось, и можно было расслабиться, спуститься и сесть в машину, предоставив другим обшаривать стройплощадку.

Смирнов поставил пистолет на предохранитель, сунул в кобуру и стал спускаться.

Мужчину он заметил, когда проходил мимо проема, предназначенного под лестничный балкон. Тот выглянул наружу, очевидно пытаясь понять, где сейчас полицейские. Он лежал на животе, чтобы его не было видно снизу. Смирнов мысленно выругал себя за то, что не проверил балконы, и потянулся к кобуре.

В этот момент гастарбайтер его заметил. На его лице отразились одновременно испуг и отчаяние, а затем он резко встал и отступил к краю балкона. Было жутковато видеть, как он стоит на неогороженной бетонной плите и ветер надувает его оранжевую куртку, делающуюся от этого похожей на спасательный жилет.

Смирнов выдернул из кобуры пистолет – просто, на всякий случай. Он видел, что у нелегала нет оружия и нападать тот явно не собирается.

– Иди сюда! – приказал он, не поднимая пистолета. – Понимаешь по-русски? – добавил он спустя пару секунд, видя, что гастарбайтер застыл в нерешительности.

Мужчина не двинулся с места.

– Я его обнаружил, – сказал Смирнов в рацию. – Второй этаж, балкон.

В этот миг он услышал за спиной тихий шорох. Обернувшись, следователь встретился взглядом с метнувшимся к нему человеком. Тот держал в руках молоток. Смирнов едва успел пригнуться и вскинуть руку, чтобы защитить голову. Удар пришелся в предплечье, и его мгновенно пронзила острая боль. «Макаров» шлепнулся на пол. «Хорошо хоть, не снял с предохранителя», – пронеслось в голове у полицейского.

Напавший был раза в полтора крупнее Смирнова, и по перекошенному злобой лицу было заметно, что разговаривать с ним бесполезно. Вообразил ли он, что следователь собирается застрелить его товарища, или просто не придумал ничего лучшего, но он явно намеревался проломить Смирнову голову. Второй нелегал что-то испуганно выкрикнул, однако с балкона не двинулся. Следователь отступал, едва успевая уворачиваться от беспорядочных и неуклюжих ударов. Один раз ему едва не досталось: молоток просвистел всего в паре сантиметров от лица. Смирнову показалось, что тот, кого он нашел на балконе, кричит что-то на ломаном русском, в его голосе слышались умоляющие ноты – должно быть, он пытался убедить своего товарища одуматься.

Группа захвата появилась на этаже буквально через секунду. Ситуацию бойцы оценили сразу, но стрелять не торопились. Бросились к озверевшему гастарбайтеру. Тот их заметил не сразу, успел еще разок махнуть молотком. Первый подоспевший полицейский перехватил

его руку, одновременно подставив подножку. Гастарбайтер полетел вперед, раскинув руки и выронив свое примитивное оружие.

– Все нормально? – спросил полицейский Смирнова.

Тот машинально кивнул: жив, значит, в порядке.

– Что с рукой?

Следователь пощупал предплечье. Было больно.

– Черт его знает. Может, перелом.

В это время другой полицейский надел наручники на поверженного гастарбайтера.

– Сейчас лекарей вызову, – сказал он, поднимая его рывком. – Пусть вас осмотрят. Спускайтесь, мы тут сами.

Машина скорой стояла неподалеку с самого начала операции – ждала.

Смирнов увидел, как с балкона выволакивают обмякшего и причитающего гастарбайтера. На вид ему было лет двадцать. Он не сводил глаз с лежавшего на полу товарища. Следователь вдруг подумал, что это вполне мог быть его отец.

Полицейский протянул следователю его пистолет, тот неловко сунул его травмированной рукой в кобуру.

Через пять минут ему уже обрабатывали предплечье: оказалось, что перелома нет, зато имелся весьма внушительный ушиб и была содрана кожа. Рука постепенно отекала, и двигать пальцами стало несколько затруднительно.

– Повезло! – констатировал фельдшер, накладывая повязку. – Чуть посильнее – и непременно сломал бы. Чего он на вас полез-то?

– Без понятия, – отозвался Смирнов.

В кармане зазвонил сотовый. Следователь неуклюже вытащил его левой рукой и взглянул на экран: начальник! Смирнов плечом прижал телефон к уху.

– Да, Павел Петрович?

– Алло! Вы там как? Закончили? – Говорил начальник быстро и отрывисто, делая между фразами короткие паузы.

– Да, ребята уже грузят нелегалов.

– Все нормально прошло?

– В целом да. – Смирнов понимал, что эти вопросы – лишь предисловие. – Что-то случилось, Павел Петрович?

– Приезжай, объясню в отделе.

– Прямо сейчас?

– Да. Думаю, там справятся без тебя.

– Легко, – согласился Смирнов. – Буду через полчаса.

– Давай, – буркнул начальник и отключился.

Следователь спрятал мобильник в карман и направился к Дитрукову: нужно было предупредить, что его срочно вызывают. Чутье подсказывало: произошло убийство, иначе Петрович не стал бы звонить, а дождался, пока Смирнов вернется, или отправил на место преступления кого-нибудь другого. По мокрухе у Смирнова были самые высокие показатели раскрываемости, так что Несметов упорно поручал все сложные дела ему. Это было, с одной стороны, лестно, а с другой – напряженно, потому что работать приходилось как проклятому. Вот и теперь, похоже, подвернулось что-то муторное.

– Соседи ничего не слышали. Это и неудивительно, стены в доме толстые. – Дымин ткнул ручкой вправо, не поднимая глаз от блокнота. – До шести вечера в квартирах на этой площадке было пусто, на втором этаже живет пенсионерка, она спала. – Оперативник вздохнул и слегка поморщился. – Свидетелей у нас, в общем, пока нет.

– А предвидятся? – Смирнов стоял, широко расставив ноги и засунув руки в карманы короткой кожаной куртки. Свет люстры отражался в его покрытом испариной бритом черепе.

– Опрашиваем жильцов. Возможно, кто-то встретил убийцу на лестнице. Но это вряд ли.

– Почему?

– Все были на работе.

– А разносчики объявлений, рекламы и газет?

– Проверяем, кто сегодня работал в этом районе. Судя по содержимому ящиков, на лестнице побывали двое. Пока дозвонились только до фирмы по ремонту оргтехники, они обещали прислать своего сотрудника.

Смирнов кивнул:

– Значит, дверь не взламывали?

– Взлом имитировали. Замок открыт либо изнутри, либо ключом, но потом в нем поковырялись чем-то вроде отвертки.

– Нашли это «чем-то»?

Дымин покачал головой:

– Похоже, наш парень унес инструмент с собой.

– Что еще?

Оперативник взглянул на дверь в соседнюю комнату, откуда доносились приглушенные разговоры и шелканье фотоаппаратов.

– Личность убитой.

– Давай. – Смирнов достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну и помял в пальцах, но закуривать не стал. Вот уже почти два месяца он пытался бросить курить, но полностью отказаться от вредной привычки пока не смог.

Дымин опустил глаза в блокнот.

– Растопова Елена Александровна, сорок два года, юрист. В Петербурге живет с 2010 года, до этого жила в Карелии. Разведена. Бывший муж Григорий Петрович Вышинцев, сорок шесть лет. Прописан в Калининграде. – Оперативник взглянул на Смирнова. – Мы выясняем его фактическое местонахождение.

Следователь кивнул и сунул незажженную сигарету в рот. Рука отозвалась болью, но было вполне терпимо. Синяк, конечно, сходить будет долго, но ему же не на пляже красоваться. А вот опухоль мешала, потому что из-за нее пальцы двигались медленно и неуверенно.

– Дети есть? – спросил Смирнов.

– Двое. Дочь двадцати трех лет, замужем, живет на проспекте Славы. И сын Виктор, тринадцать лет. Сейчас общается с психологом.

– С дочерью связались?

– Да, ждем.

– Кто нашел тело?

– Сын убитой пришел домой в половине седьмого...

– Почему так поздно? – перебил Смирнов.

– После школы отправился в кружок в Дом творчества, это через две улицы отсюда. С трех до пяти был там, затем зашел к приятелю. Информация проверена.

– Дальше.

– Пацан не смог открыть дверь квартиры, потому что замочная скважина была залита монтажной пеной. Он звонил матери, но та не отвечала. Тогда парень дозвонился до сестры, и та вызвала знакомого слесаря. Он прибыл через полчаса и открыл дверь.

– Постой, так это он сломал замок?

Дымин покачал головой:

– Нет, он просто отжал дверь фомкой.

– Ясно. – Смирнов перегнал сигарету в другой угол рта и нащупал в кармане зажигалку. Может, все-таки закурить?

– Собственно, пацан первым увидел тело, но нас вызвал слесарь, – продолжал оперативник.

– И где он сейчас?

– Я его отпустил. Показания он дал.

Смирнов кивнул.

– Долго они еще там? – Он указал на соседнюю комнату.

– Не знаю. Валера сказал, чтобы мы держались подальше от него, пока он не закончит.

Кажется, он там реально занят.

– Ты видел тело?

Смирнову показалось, что Дымин невольно содрогнулся.

– Да, – сказал оперативник, закрывая блокнот. – Но разглядывать не стал.

– Все так плохо? Мне сказали, работал настоящий садист.

– Там все в крови. Если наш парень не перепачкался с ног до головы, то он просто ас.

Смирнов потянул ноздрями. Он давно уже улавливал запах крови и чего-то еще. Смесь была отвратительной.

– Ладно, – сказал он, садясь на продавленный диван. – Есть предположения, кто это сделал?

– Никаких.

– Что, совсем?

– Угу.

– А почему убитая была сегодня дома?

– На больничном. Третий день.

– Когда ей нужно было идти на прием?

Дымин заглянул в блокнот:

– Послезавтра.

– Она никому не говорила, что ждет сегодня гостей?

– Сыну нет, а дочери – скоро узнаем. По телефону расспрашивать не стал.

– Думаю, сын был бы в курсе. Если только она не встречалась с любовником. Есть, кстати, признаки?

– Вроде нет. Но это точнее скажет Валера.

– А ты почему так решил?

Оперативник пожал плечами:

– Постель больше похожа на койку больного, а не на ложе страсти.

– Ты эксперт?! – усмехнулся Смирнов.

– Нет, эксперт у нас Валера. Так что он нам и скажет.

– Чем жертва была больна?

– Я позвонил в поликлинику, лечащий врач сказал, что ангиной. Почти не могла говорить.

– На двери есть засовы или крюки? То, что нельзя открыть снаружи.

– Нет. Два замка, один цилиндрический, другой сувадальный. Оба накладные.

– А на внутренней двери?

– Ничего.

– Какой замок был залит пеной? Сувадальный?

– Да.

– А сломаны оба?

– Да. Хотя они не столько сломаны, сколько поцарапаны внутри. Механизм остался в рабочем состоянии. Так что наш убийца, скорее всего, пытался изобразить проникновение при помощи отмычек.

– Это Степа так сказал?

– Да. Он забрал замки на экспертизу, но по предварительному осмотру получается так.

Из соседней комнаты появился криминалист. Валера Ратников был приземистым пузаном с клочками волос над ушами, короткими пшеничными усами и мясистым носом, на котором криво сидели очки с круглыми стеклами, издали напоминая пенсне.

– Здорово, – кивнул он Смирнову и принялся стаскивать перчатки.

– Привет. – Следователь протянул руку, криминалист вяло пожал ее. – Ну что?

– Ничего хорошего. – Ратников вытащил большой мятый платок в серую клетку и протер лысину, затем шумно высморкался и спрятал платок обратно. – Похоже, настоящий псих.

– А поподробнее? – Смирнов постучал карандашом по блокноту. – Есть что-нибудь важное?

– Это после вскрытия. – Криминалист устало опустил в кресло. – Сейчас могу дать только общую картину. Полный *modus operandi* завтра вечером. В лучшем случае.

– Что-что? – не понял Смирнов. – Какой еще операнди?

– Ну, «образ действия». То, как убийца обставил преступление, – пояснил Ратников.

– Ясно. Мы это называем «почерком».

– Буду знать. Так вот, как я уже сказал, получите свой «почерк убийцы» завтра вечером.

– Что-то быстро, – удивился Смирнов.

– Дело необычное. – Ратников взглянул на Дымина. – Ты что, ему не сказал?

– О чем? – напрягся следователь.

Оперативник вздохнул, отведя глаза.

– Этот парень абсолютно чокнутый, – сказал он. – Смотрел фильмы про маньяков?

– Ну!

– Из той же области.

– Это решать психиатрам, – проговорил Смирнов недовольно. – Не надо самодеятельности. – Он повернулся к Ратникову: – Выкладывай.

– Да ради бога! – Криминалист сложил руки на животе. – Убийца работал неторопливо, часа полтора. Он явно получал удовольствие и не торопился – знал, что в ближайшее время никто домой не вернется. Руки у него не дрожали. Но я бы не сказал, что он знаком с медициной. Он явно стремился причинить боль, но места для надрезов выбирал наугад. Профан.

– Или он маскировался, – вставил Смирнов.

– Возможно. – Ратников пожал плечами. – Но не думаю. Такие люди обычно делают все по полной программе. Знай он особенно болезненные зоны, он бы этим воспользовался. Но об этом лучше скажут психиатры.

Смирнов кивнул:

– Конечно. Давай по телу.

– Смерть наступила в результате болевого шока или потери крови. Точно скажу завтра. Жертву усыпили хлороформом, привязали к столу и заклеили рот скотчем. Затем преступник нанес семь резаных ран, предположительно кухонным ножом, который оставил в комнате. Думаю, он взял его в квартире, а не принес с собой. Во всяком случае, я нашел на кухне еще четыре из того же набора. Затем убийца вспорол жертве живот и разрезал прямую кишку и мочевого пузырь. Их содержимое он извлек и поместил в миску, тоже, я уверен, взятую в квартире. Миску поставил женщине на грудь. К этому моменту она была мертва. Затем он отклеил скотч, отрезал язык и засунул его во влагалище. – Ратников развел руками. – Вот так-то!

– Есть еще надпись, – вставил Дымин.

– А, да, – кивнул криминалист. – На правой руке трупа по-латыни написано «Memento 9».

– «Помни о девяти», – перевел Смирнов.

– Точно. Напоминает известную фразу «Memento mori», «Помни о смерти», да?

– Да. А при чем тут «девять»?

Криминалист пожал плечами:

– Понятия не имею. Мое дело обследовать тела, а не расшифровывать послания психов. Смирнов пробежал глазами записи в блокноте.

– Итак, что убийца принес с собой? – спросил он.

– Я думаю, набор был примерно такой: сосуд с хлороформом, тряпка, чтобы пропитать ее и набросить на лицо жертвы, инструмент для имитации взлома, синий скотч, баллон с монтажной пеной и веревка.

– А ножницы?

– Нет, пользовался теми, что нашел в квартире.

– Думаешь, он плохо подготовился?

– Ты имеешь в виду, что он не прихватил нож, ножницы и миску? Нет, это сделано нарочно, чтобы тащить с собой поменьше предметов, которые могут указать на него.

– Так я и думал, – пробормотал Смирнов. – Это все?

– Пока да.

– Ладно, спасибо. – Следователь закрыл блокнот и перегнал незажженную сигарету в другой угол рта. – Пришлешь мне завтра отчет на «мыло»?

Ратников кивнул:

– Как только – так сразу. Мы можем забирать тело?

– Фотки сделали?

– Конечно.

– Я сначала взгляну на него.

– Как хочешь.

Смирнов встал.

– Держи! – Криминалист достал из кармана и бросил ему плоскую жестяную коробочку. Это была ментоловая мазь. Она заглушала запахи смерти и разложения. Смирнов открыл крышку и дважды мазнул под носом:

– Спасибо.

Вернув коробочку криминалисту, он вошел в комнату, где произошло убийство.

Дымин с явной неохотой последовал за ним.

Запах крови пробивался даже сквозь ментол. И неудивительно: ее натекло целое озеро. Помощники Ратникова расхаживали по паркету в резиновых сапогах. Вернее, уже не расхаживали, а сидели на жестком угловом диване и курили, стряхивая пепел в жестяные крышки.

– Привет! – сказал один из них, увидев Смирнова.

Следователь не помнил его имени. Кивнув, он подошел к краю темной лужи. До тела было метра полтора. Оно еще лежало на столе, но веревки, которыми убийца привязал женщину, уже сняли. Разрезанные, они лежали на табурете в целлофановом пакете. Канат примерно с палец толщиной. Криминалисты не повредили узлы – это тоже улика.

Смирнов бросил взгляд на труп. Покрытая коркой крови плоть, на груди – белая эмалированная миска. У него самого дома набор таких же. Запах испражнений, угадывающийся несмотря на ментол. Мухи, выющиеся под потолком. Смирнов поискал глазами правую руку убитой. На ней была видна надпись, хотя разобрать буквы с такого расстояния было нельзя.

– Валер! – позвал следователь, обернувшись.

– Чего? – проговорил криминалист, входя.

– Чем он сделал надпись?

– Кисточкой.

– Какой?

– Не знаю. Волосков мы не нашли, но судя по тому, как легла кровь...

– Ты мне ничего об этом не сказал.

– Забыл. В отчете все будет.

– Значит, кисточку он принес и унес с собой?

Ратников кивнул:

– Никто из членов семьи не рисует. У парня есть набор для рисования, но убийца не стал бы забирать кисточку, если бы нашел ее в квартире. Все остальное он ведь оставил.

Смирнов остановил взгляд на луже крови. Она дотекла до противоположной стены, хотя большая ее часть впиталась в паркет. Вернее, ушла через щели между плашками.

– Ты сказал, наш псих хотел причинить женщине боль.

– Несомненно. Он пытал ее.

– Может, он хотел добиться какой-то информации? Она ведь работала юристом.

– Не думаю. Он снял скотч лишь однажды – после того, как она умерла. Он с ней не разговаривал. Во всяком случае, от нее реплик не требовалось.

– Тогда почему он вырезал язык после смерти? Она ведь уже не могла ничего почувствовать.

– Она закричала бы, если бы была жива.

– Это понятно. Я имею в виду, зачем его вообще вырезать?

Ратников устало пожал плечами:

– Да откуда я знаю? Наверное, это какой-нибудь символ. Так же, как надпись и миска с дермом. Мы можем забирать тело?

– Да.

Смирнов вышел из квартиры. Щелкнул зажигалкой. Поднес пламя к концу сигареты и сделал глубокий вдох. Дым обжег легкие, во рту появилось ощущение терпкости. Все портила только ментоловая мазь. Он достал платок и резким движением вытер ее, но это не помогло. Избавиться от нее можно, только вымывшись с мылом.

Дымин вышел на лестницу вслед за Смирновым.

– Мрак, да? – проговорил он кисло. – Мы это дело никогда не раскроем.

– Это как раз не факт, – возразил Смирнов.

– Не похоже на бытовуху.

– Слишком много... индивидуальности. Если это месть, мы найдем того, кто имел на жертву зуб. Она должна была кому-то очень крепко насолить, чтобы с ней сотворили подобное. Такие вещи в тайне не удержишь.

– Начать с работы?

Смирнов кивнул:

– Да, опросите коллег, клиентов, оппонентов – словом, всех, с кем она имела дело. И не только здесь, но и в Карелии.

Дымин недовольно засопел.

– Ничего, это не помешает, – сказал Смирнов, глубоко затянувшись и пожалев, что не может позволить себе выкурить еще одну. От этой осталась всего половина. – Пусть Жора поработает с соседями, родственниками и друзьями. Не пропускайте никого. Если она открыла убийце дверь, значит, знала его. Если он открыл ее сам, то либо имел ключ, либо мог его изготовить. То есть у него был доступ к одному из комплектов. Точно выясни, сколько их было. Наверняка один есть у дочери, а другой – у сына. Проверьте мужа дочери. И еще. Надо узнать, на кого записана квартира, есть ли завещание и так далее. Короче, отработайте мотив.

Дымин кивнул. Все это время он делал пометки в блокноте, хотя и так знал порядок при расследовании. И тем не менее каждый раз записывал то, что говорил Смирнов. То ли чтобы выслужиться, то ли из любви к порядку.

– Материалы мне нужны не позднее завтрашнего вечера.

Оперативник крикнул, но ничего не сказал. Смирнов смерил взглядом его плотную атлетическую фигуру. Широкие плечи, немного сутулая осанка боксера-любителя, короткая шея. Куртка-тренч цвета хаки и штаны-карго, в карманах которых Дымин таскал черт знает что: от зарядника для мобильного и до бутербродов, которые по утрам готовила ему его девчонка Лиза.

– Не затягивайте, – добавил Смирнов, хотя знал, что его оперативники зря теряют времени не будут. – Это дело надо расследовать по горячим следам.

– Если парень притащился из Карелии...

– То он уже на пути домой, – кивнул Смирнов. – Но мы все равно можем проследить его перемещения. Запросите списки отбывших в Карелию.

– Что, все? – опешил Дымин.

– Да. Поезда, самолеты. Прикиньте, сколько ему нужно было времени, чтобы добраться отсюда до вокзалов и аэропорта. Получите примерное время, когда он мог покинуть город. Но акцент сделайте на питерском окружении.

Дымин кивнул с явным облегчением.

– Ладно, постараемся побыстрее.

На площадке появились помощники Ратникова. Они выносили на носилках упакованный в черный пластиковый мешок труп. Сам криминалист шагал следом с кожаным чемоданчиком в руке.

– Адье, парни! – махнул он, проходя мимо.

– Отчет на «мыло», – напомнил Смирнов.

– Да-да, – кивнул Ратников, вызывая лифт.

Носилки туда не помещались, так что его помощники двинулись по лестнице.

Следователь и оперативник проводили их взглядами.

– Заканчивайте здесь, – проговорил Смирнов, когда люди с носилками скрылись за поворотом лестницы. – До завтра все равно уже ничего не сделаешь. Опросите свидетелей – и по домам.

– А ты? – спросил Дымин.

– Я составлю полное досье на жертву. Сделаю сегодня несколько запросов. Раз она юрист, про нее многое должно быть известно. Потом объединим то, что я нарую, с тем, что выясните вы с Жорой. Может, что-нибудь и проклюнется.

Оперативник кивнул без особого энтузиазма. Смирнов выбросил окурок в пролет и застегнул куртку:

– Все, я – в отдел.

– Пока. – Дымин нырнул обратно в квартиру.

Следователь вызвал лифт. В полумраке лестничной площадки красный огонек кнопки напоминал глаз затаившегося в глубине механизма демона. Смирнов отвернулся, стараясь не смотреть. Борьба с курением была сущей ерундой, мелочью по сравнению с той войной, которую ему приходилось вести с самим собой, со своими страхами. С тех пор как умерла Кристина, он стал солдатом, целыми днями сражающимся с полчищами демонов. Все эти приборы, приспособления и устройства – какой синоним ни подбери, все указывали на одно и то же: затаившееся зло! Смирнов четыре года посещал психолога и знал, что его фобия не имеет логических оснований, и на самом деле гаджеты – просто набор металла, пластика и прочей ерунды, но ничего не мог с собой поделывать. Стоило ему взглянуть на прибор, и он чувствовал таящуюся в его недрах пульсацию зла. Даже собственный мобильник вызывал у него отвращение и страх. По крайней мере раз в день Смирнов разбирал его, чтобы убедиться, что демона не существует. И каждый раз его отсутствие ни в чем его не убеждало. Зло просто спряталось. Но оно не дремлет. Оно следит и ждет удобного случая.

Все это из-за смерти Кристины. Ее нет вот уже двенадцать лет, а он до сих пор носит в себе открытую рану. И она пожирает его изнутри, подобно окровавленной пасти демона. Зло внутри его. Оно поселилось там, и никакому психиатру не под силу справиться с ним. Смирнов был уверен, что одержим, и жил в страхе перед тем, что демон проснется. Он помнил фильм «Изгоняющий дьявола». И хотя понимал, что не станет парить под потолком и вращать головой, ожидал, что зло рано или поздно поглотит его. Но до этого момента он должен использовать каждое мгновение, чтобы бороться с ним. Охотиться на демонов, чтобы держать в страхе того, который поселился в нем.

Лифт остановился, раскрылись дверцы, и Смирнов шагнул в плохо освещенную кабину. Нажал на кнопку первого этажа, невольно прислушиваясь к гудению механизмов. Рычание зверя. Монстр, проникший в шахту, сросшийся с медными катушками, тросами и грузами. Он рядом, сопит и роняет слюну. Он охвачен алчностью и голодом. Даже пластик, которым обшиты стены кабины, источает его мерзостную вонь!

Лифт замер, и Смирнов с облегчением вышел на площадку первого этажа. На ходу застегивая куртку, спустился по последним ступенькам и распахнул дверь парадного.

Кристина, раздавленная гидравлическим прессом. Кости, мышцы, кожа и кровь, превращенные в месиво, темную кашу, которую невозможно ассоциировать с человеком. С тех пор у Смирнова появился иммунитет к подобным зрелищам. Но он достался ему дорогой ценой!

Он пошел служить в полицию не для того, чтобы найти преступника. Его нашли без него. Осудили и поместили в тюрьму, где его зарезали сокамерники, которые не пришли в восторг от соседства с убийцей ребенка. Мстить было некому.

Но зло осталось, оно никуда не делось.

На улице все еще лил дождь. Смирнов сторбился и побежал к своей машине, синей «мицубиси», припаркованной в десятке метров под развесистым кленом. Хлопнув дверцей, перевел дух и коротко улыбнулся. Затем снял мокрую куртку и бросил ее на сиденье рядом с собой. Автомобиль тоже был напичкан злом, но он давал комфорт. Это было пассивное зло – до тех пор, пока заключенный в него демон не решит отключить тормоза или выкинуть еще какой-нибудь фокус. На самом деле Смирнов ждал от него подобной выходки со дня на день. Но Господь хранил его. До тех пор, пока он боролся со злом, – на улицах и в себе. Нельзя давать слабину – иначе потеряешь душу, подумал Смирнов. Он прикрыл на мгновение глаза, представил растерзанное тело женщины, которое только что видел, и произнес короткую молитву. «Что ни делается, все во славу Твою! Принимаю это испытание, как и прочие. Да свершится воля Всевышнего!»

Смирнов вставил ключ в зажигание и завел мотор. «Мицубиси» выехал на дорогу, проехал мимо микроавтобуса криминалистов и машины оперов, свернул направо и покатил вдоль футбольного поля, обнесенного металлической сеткой. Оно принадлежало школе, видневшейся за тополями. Перед тем как выехать на автостраду, Смирнов взглянул на серый фасад. Ему был знаком этот тип зданий с центральным входом и двумя пристройками по бокам – спортзалом и столовой. Он сам учился в похожей школе. Только в этой были стеклопакеты и новенькие решетки на первом этаже. С вертикальными прутьями, чтобы нельзя было забраться по ним на второй этаж.

Смирнов вырулил на дорогу и покатил к отделу, благо тот находился в десяти минутах езды.

Припарковавшись перед входом, он не торопился выходить из машины. Достал сигарету, размял и положил перед ветровым стеклом. Смирнов чувствовал невольный азарт. Дымин рассуждал о мести и убийце, который спешит скрыться, забиться в свою нору, бежит от правосудия. Но единственное, с чем был согласен следователь, так это с тем, что преступник – псих. И он не просто так обставил сцену смерти. Все эти знаки... Смирнов чувствовал, что они подбраны не случайно. Их можно расшифровать. И убийца оставил их не для того, чтобы поли-

ция на них просто полюбовалась. Это подпись, автограф. Подобное преступление наверняка повторится. Возможно, через год или два, а может, раньше. Все зависит от преступника. Если все прошло по плану, тот не станет ждать долго. Полгода – максимум. Этого хватит, чтобы найти новую жертву, выследить ее и поставить ловушку. Возможно, почерк убийцы немного изменится, но суть останется той же. И надпись... «Помни о девяти». Что это могло значить? Смирнов попытался припомнить, какие смыслы заключены в этом числе, но на ум приходили только девять месяцев беременности. Придется покопаться в Интернете. И глагол тоже важен. «Помни!» Это призывание, побуждение. Кому оно адресовано? Убитой или нашедшему труп? Полиции или родственникам жертвы? Адресат тоже важен. Смирнов взял сигарету и покрутил в пальцах. Желания курить не было. У него появилось дело поинтереснее. Настоящий шанс одолеть зло! Поединок с демоном, который уже овладел чьим-то сознанием. Смирнов глубоко вздохнул и положил сигарету на место. Затем взял куртку и вышел из машины. Придется поработать допоздна.

Глава 2

Вероника отвела от зеркала взгляд, затем и вовсе отвернулась. Что она там не видела, в конце концов? Плохо покрашенные волосы, седину, заметную на корнях, осунувшиеся щеки и морщины вокруг губ? Свидетельства неумолимого увядания лица, которое и в молодости нельзя было назвать красивым. Вероника горько усмехнулась сама себе: ну вот, опять за свое: сколько можно себя жалеть? Ну не сложилась жизнь, не удалась, зато дочка растет умницей: занимается танцами, музыкой, легкой атлетикой, а на следующий год собирается поступить в театральную студию.

Вероника открыла дверцу холодильника и окинула взглядом его содержимое. Сама она ничего в жизни не добила, только получила диплом мединститута. Зачем, спрашивается, он ей нужен? Чтобы работать в архиве поликлиники, сортировать бумажки? Она жила на скромную зарплату, алименты, да еще иногда занималась техническими переводами с французского – с помощью словаря и электронного переводчика. Получалось кое-как, но заказчиков и это устраивало – они же не могли проверить качество перевода.

Вероника вытащила из холодильника кастрюлю со слипшимися макаронами и отправилась на кухню. Эти остатки она съест сама, а затем примется готовить обед. На это уйдет пара часов, после чего придется идти в магазин.

Когда раздался звонок в дверь, Вероника как раз накладывала макароны в тарелку, чтобы сунуть в микроволновку. Кто это может быть? Наверное, ошиблись квартирой. Ничего удивительного: с утра алкашня не успевает опохмелиться и путает все на свете. Вероника решила не подходить к двери – сделать вид, что ее нет дома. Звонок раздался снова, на этот раз кнопку держали дольше. Закатив глаза, Вероника пошла в коридор. Свет зажигать не стала, просто открыла внутреннюю дверь и приникла к глазку. На площадке было темно, за дверью маячил какой-то неясный силуэт.

– Вам кого?! – крикнула Вероника, не скрывая раздражения.

Вначале пришло понимание того, что случилось что-то плохое. Затем Вероника открыла глаза – вернее, с трудом их разлепила, чувствуя жжение под веками. Голова была тяжелой, в нее словно накачали тумана. Люстра покачивалась так, словно была подвешена к потолку каюты.

Вероника сглотнула и почувствовала резь в горле – во рту все пересохло. Она повернула голову и поняла, что лежит на столе. Попыталась подняться, но ничего не получилось: в руки и ноги что-то впилося. Она привязана! Более того, Вероника вдруг осознала, что рот у нее заклеен куском скотча.

В соседней комнате слышались шаги. Мерные, уверенные. Неторопливые. Взгляд Вероники упал на кухонное полотенце, на котором лежал нож; его явно для чего-то приготовили. Она его узнала: он был ее собственным. Веронике охватил панический ужас. Пришло понимание того, что скоро случится что-то очень страшное.

Шаги зазвучали ближе – человек приближался. Когда он возник на пороге, первое, что бросилось в глаза, – черное лицо! Нечеловеческое, жуткое, словно пришедшее из кошмаров. Физиономия демона, жаждущего плоти! Когда существо сделало шаг к Веронике, она почувствовала, что улетает. Мгновенная вспышка – и она потеряла сознание.

– Значит, медикаменты не пропали?

– Нет, все на месте. Мы тщательно проверили. Даже шкафчики не взломаны.

Заведующая детской поликлиникой была грузной брюнеткой с коротко стриженными волосами и вульгарной красной помадой на дряблых губах. Глаза у нее были слишком сильно

накрашены, отчего зрачки казались маленькими насекомыми, укрывшимися в черных створках век.

– Ладно, спасибо. – Алик Казимов задумчиво кивнул и отложил блокнот в сторону. – Можете идти.

Женщина встала и, не прощаясь, вышла. В кабинет отоларингологии, временно ставший штабом дознавателя, тут же вошел Павлов, оперативник, прибывший по факту взлома вместе с Казимовым.

– Ну что? – спросил он, плюхнувшись на стул и шмыгая носом.

– Ничего, – отозвался дознаватель, пожав костистыми плечами. Обтянутый синим свитером, Казимов производил впечатление оголодавшего подростка. – Похоже, ничего не украли. Взломали окно на втором этаже, со стороны двора, забрались в комнату – это архив, а дальше не пошли, хотя замок двери, ведущей в коридор, чисто символический. Спрашивается: что им нужно было в поликлинике?

– Может, вспугнул кто? – услужливо предположил Павлов.

– В здании никого не было.

– А архив внимательно просмотрели?

– В том-то и дело, что нет. В нем работает некая Миронова, так вот она сегодня на работу не явилась. Села на больничный. А без нее точно сказать, все ли документы на месте, никто не может.

– Ночью влезли к ней в архив, а утром она уже больна? – прищурился Павлов.

Казимов кивнул:

– Вот-вот. Надо к ней съездить. Чувствую, что-то тут не так. – Он постучал пальцами по блокноту. – С одной стороны, она и так могла взять все, что ей нужно, без привлечения внимания, а с другой, уж больно странное совпадение. Коллеги говорят, что вчера она ни на что не жаловалась.

– Внезапная болезнь? – улыбнулся Павлов. – Ладно, я съезжу.

– И давай прямо сейчас. Возьми Колю, и отправляйтесь. Адрес узнай у заведующей.

Оперативник поднялся:

– Все понял. Уже выезжаем.

Когда Павлов ушел, Казимов встал со стула и сделал пару шагов вдоль стола. Затем сел на подоконник, отодвинув тюлевую занавеску. За окном виднелись машины скорой помощи и детские коляски, прикованные к ограде велосипедными тросами.

Дело не казалось сложным. Интуиция и опыт подсказывали дознавателю, что допрос Мироновой расставит все на свои места. Тут непременно должен быть замешан какой-нибудь родственник, достаточно ловкий и решительный, чтобы взломать окно, но недостаточно... да, вот тут-то и крылась загвоздка. Что помешало ночному посетителю выйти из архива? Не за бумажками же он лазил! Впрочем, может, он открыл дверь в коридор ключом? Если так, то он наверняка взял его у Мироновой. И она не может не знать преступника.

Казимов вздохнул и достал жвачку «ригли». Положив мятную пластинку в рот, пригладил короткие черные волосы и встал. Он еще не завтракал, а в поликлинике никто не мог сказать ничего путного. Пока оперативники допросят Миронову и вернуться, пройдет не меньше двух часов. Он как раз успеет перекусить.

Дознаватель вышел из кабинета, кивнул одному из полицейских и быстрым шагом направился по коридору. Выйдя из поликлиники, он с облегчением перевел дух. Казимов всегда чувствовал себя неуютно в обществе коллег, особенно носивших форму. Они казались ему чужими, вернее, чуждыми. Он притворялся своим, но каждый раз ему приходилось переступать через себя. Проклятый страх!

Дознаватель застегнул светло-серый плащ и сбежал по ступенькам на тротуар. Справа было небольшое кафе, в котором он иногда обедал, – когда ему особенно не хотелось встре-

чаться с кем-нибудь из коллег. Обогнув здание поликлиники, он прошел по дорожке между рядами тополей, пересек детскую площадку и толкнул дверь.

В кафе было темно, несмотря на утро. Плотные шторы надежно защищали от солнечных лучей. Казимов сел за угловой столик и придвинул стеклянную пепельницу. К нему подошла знакомая официантка по имени Лена. Во всяком случае, так было написано на ее бейжке.

– Меню, – проговорила она с улыбкой и протянула коричневую папку.

– Спасибо, – кивнул Казимов.

Когда официантка отошла, он достал пачку «Честера» и зажигалку. Ему не надо было открывать меню, он и так знал, что закажет. Щелкнув «крикетом», Казимов затаился и откинулся на кожаную спинку диванчика.

Посетителей было мало. В дальнем конце зала сидели два осетина, справа от них расположились менеджеры среднего звена. Две девушки через столик от Казимова обедали и пили пиво прямо из бутылок.

– Определелись? – Официантка подошла быстро, заметив, что посетитель не открывает меню.

Казимов быстро проговорил заказ, и она исчезла, прихватив кожаную папку.

Дознаватель курил, стряхивая пепел щелчком указательного пальца. Почему он пошел в полицию? Мотивы были для него очевидны – всегда, с самого начала, – но оттого не менее постыдны. Им руководил страх.

Отправной точкой стал арест старшего брата. Алик тогда еще ходил в школу. Гаджи взяли в ночном клубе с тремя приятелями. Они подрались с какими-то парнями. В отделении им подбросили наркотики. По крайней мере, так утверждал Гаджи. Сперва Алик ему верил, затем начал сомневаться. Он понимал, что брат никогда не признается, но уверенности, конечно, не было. И возможность того, что наркотики ему подбросили, оставалась реальной. Именно она заставила Алика пойти работать в полицию. Чтобы защититься. От произвола, от насилия тех, кому нельзя противопоставить закон. Потому что они сами и есть закон. Он влез в их логово, стал одним из них, и они не могут укунить его. Они из одной стаи, одной крови.

И только Алик Казимов знал, что на самом деле он овца, натянувшая волчью шкуру. Как в той поговорке, только наоборот.

Он заканчивал есть рагу, когда зазвонил мобильник. На экране высветился номер Павлова. – Да?

– Слушай, Алик, мы сейчас у Мироновой. Приезжай! – Тон у опера был какой-то странный.

Казимов отодвинул почти пустую тарелку и протянул руку к чайнику. Интуиция подсказывала, что обед придется сворачивать.

– В чем дело?

– Помнишь вчерашнее убийство?

– Которое ведет Смирнов?

– Ага. Оно самое.

– И что? – Казимов насторожился. Чайник застыл над чашкой.

– Похоже, еще одно. Никто не открывает, и скважина залита монтажной пеной. Она еще не до конца просохла.

Дознаватель вспомнил, как делал летом ремонт в квартире. Пена застывает за полчаса, значит, оперативники едва не застали убийцу с поличным! Проклятье! Он медленно наполнил чашку зеленым чаем.

– Алло! – крикнул Павлов. – Ты здесь?

– Да. Напомни адрес.

Опер продиктовал.

– Через четверть часа буду, – пообещал Казимов.

Отключив мобильник, он взял чашку и секунд десять смотрел на ее содержимое. Затем осушил ее несколькими большими глотками.

– Счет!

Его возглас заставил официантку обернуться. Казимов поднял руку, чтобы она поняла, кто ее звал. Девушка быстро подошла и сложила на поднос грязную посуду.

Казимов сунул мобильник в карман плаща и вынул бумажник.

– Подождите, – сказал он, останавливая девушку. – Я тороплюсь. Возьмите сразу. – Он протянул ей деньги.

Официантка кивнула.

– Хорошо. Сейчас принесу сдачу.

– Не надо. – Казимов встал.

Через минуту он уже шагал по направлению к улице, где жила Миронова. Если Павлов прав, там его ждал труп. Оперативники, конечно, уже вызвали слесаря, так что, возможно, он явится к «открытию». Хотя вряд ли. Скорее всего, придется ждать не меньше часа, пока взломают замок. Разве что у соседей есть запасные ключи или родственники убитой находятся где-нибудь поблизости.

Когда Казимов поднялся на шестой этаж новостройки, дверь квартиры была распахнута и на площадке валялись щепки – следы взлома. Слесарь, похоже, воспользовался фомкой. Дознаватель осмотрел забитую пеной скважину – ее не трогали – и вошел в квартиру.

Убийство произошло недавно, поэтому запах крови был совсем слабый. А вот фекалиями воняло сильно. До Казимова донеслись голоса. Он пошел на звук и через несколько секунд оказался на пороге гостиной. Павлов и Зимчук стояли возле трупа, привязанного к столу. Две понятия (женщины лет шестидесяти) и слесарь сидели на диване в состоянии, близком к обмороку.

– Привет! – махнул рукой Павлов, заметив Казимова. – Я был прав.

– Вижу, – кивнул дознаватель, доставая платок и стараясь не смотреть на труп. Он слышал жужжание мух, всхлипы понятых и скрип половиц под оперативниками. – Позвонили Смирнову? – спросил Казимов, взглянув на Павлова.

Нет.

– Почему?

– Думали, ты сам захочешь.

– Правильно.

– Почерк убийцы явно тот же, – заявил Зимчук, указав ручкой на тело. Он делал какие-то пометки в блокноте. – Тут и к бабке не ходи.

– В смысле, к медэксперту, – вставил Павлов. – Картина та же.

– Бригаду вызвали? – поинтересовался Казимов. Из-за прижатого к носу платка его голос звучал глуховато.

– А то! Ждем-с.

– Понятых отпустите, – сказал Казимов. – Чего людей держите?

– Ах да! – спохватился Зимчук. – Пройдемте, товарищи. – Он подошел к женщинам, чтобы помочь им встать. Вместе со слесарем вывел их из гостиной.

Казимову пришлось посторониться, чтобы пропустить их.

– Серийный маньяк, – пробормотал Павлов, разглядывая тело, на которое дознаватель по-прежнему старался не смотреть. – Кто бы мог подумать!

– Да, такое не только в кино бывает, – кивнул Казимов, просто чтобы не молчать.

– Может, выйдем? – предложил опер. – Больно воняет.

Казимов был благодарен ему за предложение.

– Да, – согласился он. – Поговори с соседями, расспроси всех на лестнице. А я пока позвоню Смирнову. Пусть подключается.

Они вышли из гостиной. Павлов отправился искать Зимчука, чтобы распределить с ним жильцов, с которых предстояло снять показания, а Казимов сел на кухне поближе к окну и достал сигарету. Поискал глазами пепельницу, но не нашел. Тогда взял из раковины грязное блюдо. Какова вероятность того, что из него ел убийца? Практически нулевая. Конечно, не положено, но черт с ним! Казимов щелкнул зажигалкой и закурил.

Вообще-то он дознаватель, и убийства не по его части. Тем более с такими отягчающими. Вот придет Смирнов, и пускай разбирается. Одно дело у него уже есть, это пойдет в довесок. Меньше всего Казимову хотелось расследовать убийство. Взломы, кражи, хулиганство – вот его стихия. Он достал телефон и набрал номер Смирнова.

– Алло?

Хрипловатый голос был ему отлично знаком.

– Валер, это Алик.

– Здорово. Что случилось?

– У нас тут труп.

– Поздравляю. А я при чем?

– Кажется, это по твоей части.

– Что, все так серьезно?

– Да. Помнишь вчерашнее убийство?

– Ну и?..

– Это продолжение.

Повисла короткая пауза.

– Уверен? – наконец проговорил следователь.

– На все сто.

– Что за хрень?! – Смирнов, кажется, растерялся. – Второе убийство уже на следующий день?

Казимов понимал, о чем тот говорит.

– Не похоже на маньяка, да?

– Никак не ожидал, – признался Смирнов. – Ладно, сейчас буду. Давай адрес.

Казимов продиктовал ему улицу, дом и квартиру.

– Не ошибешься, – добавил он. – Скоро тут будет куча наших.

– Уже вызвали бригаду?

– Да.

– Ясно. Ну, ждите.

Казимов выключил мобильник и спрятал его в карман. Затянулся, наблюдая за тем, как огонь пожирает сигарету. Выдохнул голубоватый дым. Кажется, это дело он сплавил. Когда придет Смирнов, можно будет свалить и заняться взломом поликлиники. Хотя... Казимова вдруг пронзила неприятная мысль: что, если смерть Мироновой связана с ночным проникновением в архив? Если так... то все только начинается.

Дознаватель потушил сигарету в блюде и встал. Надо собрать досье на убитую, выяснить, есть ли связь между ней и вчерашней жертвой. Знакомы ли они вообще? Казимов почувствовал знакомый азарт, который охватывал его временами, тогда он забывал, что лишь маскируется под полицейского, и действительно становился им. Он решительно вышел из кухни и вернулся в гостиную. Теперь он заставил себя смотреть на труп. Подойти к нему он не мог: крови натекло много, и она образовывала под столом большую лужу. Но и с расстояния было видно, что живот у женщины вспорот, а над телом убийца потрудился при помощи ножа или скальпеля. На грудь он поставил ей алюминиевую миску, и в ней, как помнил Казимов, должны находиться испражнения.

Рассказ о страшной вчерашней находке, который он слышал накануне в отделе, потряс его. И вот теперь он сам столкнулся с работой зверя. Казимов никогда не понимал, что застав-

ляет человека убивать и тем более пытаться. Насилие было ему чуждо, и ежедневное столкновение с ним причиняло дознавателю почти физическую боль. Бывали дни, когда он возвращался домой измученный и разбитый и мог только доковылять до дивана и повалиться на него прямо в одежде. Иногда он просыпался посреди ночи, и тогда приходилось раздеваться, борясь с ломотой во всем теле и сухостью во рту, идти в ванную, чтобы принять душ, а затем на кухню, где Казимов делал себе бутерброд и съедал его без аппетита, запивая черным чаем. Стоило ли такое существование иллюзии безопасности? Он не был в этом уверен, но ничего не мог поделать: страх угодить за решетку въелся в него, глубоко запустил щупальца в его душу. Как говорится, от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Эти слова не раз всплывали в мозгу Казимова красными пульсирующими буквами. Письмена Бальтазара. Клеймо хаоса.

Смерть Гаджи (его убили в СИЗО на второй неделе заключения) окончательно закрепила фобию Казимова. С тех пор он дважды посещал психолога, но никакого сдвига к улучшению так и не наметилось. Возможно, стоило продолжать визиты, но Казимов боялся, что излечится и захочет бросить работу. Что тогда с ним будет? Кто защитит его от слепого закона?

Глядя на труп, Казимов чувствовал не страх, а отвращение. И еще – азарт. Он не признавался в этом даже себе, но подобные моменты, когда он превращался в хищника, в охотника, тоже держали его на работе в полиции. На миг дознаватель даже пожалел, что дело заберет Смирнов. Впрочем, возможно, он захочет, чтобы Казимов продолжал следствие по взлому в поликлинике. Алик тряхнул головой: да что же это он? Он ведь только что радовался тому, что так удачно избавился от трупа!

Помедлив, Казимов набрал номер Смирнова.

– Да?!

– Это опять я.

– Что случилось? – Голос у следователя был настороженный.

– Пока больше ничего. Ты забираешь дело?

– Видимо, да.

– Я бы хотел продолжить отрабатывать взлом поликлиники.

– Думаешь, тут есть связь с убийством?

– Странное совпадение. И еще более странное проникновение. Ничего не взяли. В смысле, ценного.

– Поподробнее.

– Забрались в архив, но дальше не пошли. Если что-то и сперли, то бумажки.

– И ты считаешь, что это не свидетельствует об их ценности? – поинтересовался Смирнов с легкой долей сарказма.

Казимов предвидел подобный вопрос.

– В том-то и дело, – ответил он, – что там хранятся только самые обычные бумажки.

Старье.

– Кому-то оно понадобилось. Уже выяснили, что пропало?

– Нет, там работы на неделю.

– У нас столько нет. Что, если этот ублюдок завтра еще кого-нибудь грохнет? Кстати, в двенадцать слет у Петровича.

Казимов машинально взглянул на часы. Большие красные «Casio» с пластиковым ремешком – тренд уходящего года. Ему подарила их сестра перед тем, как уехать в Финляндию. Как она надеялась – навсегда. Родители ждали, что она перетащит их за собой, но с этим были сложности. Никто не хотел пускать в страну стариков, чтобы платить им пенсию.

Казимов вышел в прихожую и подозвал Павлова:

– Когда будут криминалисты?

– Минут через двадцать.

– Мне надо быть к двенадцати у Петровича.

– Нет проблем, шеф, – ответил оперативник, подражая американским копам. – Справимся.

– Я постараюсь вернуться побыстрее. Скорее всего, вместе со Смирновым.

Павлов понимающе кивнул:

– Удачи.

Казимов вышел на улицу, запахнул плащ и с подозрением посмотрел на небо. Над городом собирались тучи, но дождем еще не пахло. Дознаватель обычно чувствовал такие вещи. Прежде чем отправиться в отдел, он зашел в магазин и купил слоеный пирожок – на всякий случай. Затем достал из кармана жвачку и сунул в рот новую мятную пластинку – взамен прежней. Теперь можно было идти к Петровичу.

Смирнов положил телефон на подлокотник и устался на психиатра. Тот сидел напротив, откинувшись в кресле и сложив руки на тощем животе. На нем были потрепанная белая рубашка, серая жилетка и льняные брюки, надетые не по погоде. Казалось, что Карл Иванович Ревейко пытается раствориться в комнате шесть на пять метров, служившей ему кабинетом.

– Неприятные новости? – сочувственно поинтересовался психиатр, следя за Смирновым.

– Этот тип опять убил. Сегодня.

Ревейко удивленно поднял брови.

– Что? Вы шутите?

– Какое уж тут!.. – с досадой махнул рукой Смирнов. – Это Казимов звонил. Его люди нашли труп. Почерк убийцы такой же.

Они только что обсуждали примерный психологический портрет убийцы. Ревейко утверждал, что это мужчина не старше тридцати, славянской внешности, образованный. И еще пару минут назад он был уверен, что убийство не повторится раньше следующего года.

– Что скажете теперь? – поинтересовался Смирнов.

– Пока рано делать выводы, – пожал плечами психиатр. – Нужно дождаться результатов вскрытия, тщательно сравнить почерк убийцы. Могут быть незначительные расхождения, а это всегда важно.

– Ладно, а что бы вы мне могли сказать сейчас? – Смирнов достал сигарету и принялся вертеть ее в руках.

Психиатр молча следил за ним, словно боялся, что тот закурит прямо в кабинете.

– Что означают все эти... выкрутасы?

– Вы про надпись и миску с фекалиями? – зачем-то уточнил Ревейко.

– Ага. И про все остальное тоже. Вы же образованный человек, Карл Иванович. Неужели почерк убийцы не наводит вас ни на какую мысль? Бросьте мне кость! – Смирнов сгреб мобильник, проверил время и сунул его в карман. В запасе было еще более получаса. Правда, следовало включить сюда еще и дорогу к отделу.

– Я бы сказал, что отправной точкой для расследования надо взять девятку, – поразмыслив, проговорил Ревейко. – Поищите в Интернете, там должны быть значения этого числа. Может, вам повезет.

И еще кое-что. Этот ваш убийца любит оружие. Он пользовался тем, которое нашел в квартирах жертв, но это только потому, что он осторожен. Я уверен, что у него дома есть либо коллекция ножей, либо какой-нибудь кинжал, который висит на почетном месте.

Смирнов нахмурился.

– Это мне не сильно поможет. Не могу же я заглядывать ко всем подряд.

– Попряд и не надо, – легко согласился Ревейко. – Но у вас же будут подозреваемые? Вот и смотрите по сторонам, когда будете с ними беседовать.

– Обычно мы вызываем людей для дачи показаний в отдел, – заметил Смирнов.

Психиатр коротко улыбнулся – одними губами.

– Обычно ваши преступники не потрошат своих жертв, чтобы наполнить фекалиями миску и водрузить ее на грудь трупа, верно?

– Да, – нехотя подтвердил Смирнов. – Это точно. Все бывает в первый раз.

– Очень трезвый взгляд на жизнь, – одобрил без тени улыбки Ревейко. – К сожалению, пока ничем помочь не могу. То, что искать следует прежде всего среди знакомых, вы и так понимаете, конечно?

Смирнов кивнул.

– Волк охотится там, где знает лес, – пробормотал он, вставая. – Спасибо за помощь. – Он забрал со стола тощее досье, которое давал психиатру для ознакомления.

– Пока не за что, – отозвался Ревейко, тоже вставая. – Получите новые данные – милости прошу.

– Спасибо, – повторил Смирнов. – Непременно.

Психиатр проводил его до двери.

Выйдя на улицу, следователь сунул сигарету в карман и взял папку под мышку. Он верил в одержимость. По его представлениям, любой преступник находился во власти демона – вроде тех, что оккупировали механические устройства и прочие гаджеты. Он сожалел о том, что в мире практически упразднился чин экзорциста. Смирнов полагал, что молитва и соответствующий ритуал способны решить многие проблемы. Он не мог изгонять бесов, но зато он был в силах ловить их и изолировать. К сожалению, вместе с их жертвами, несчастными, вынужденными стать преступниками. Но это было единственным доступным ему средством борьбы со злом.

Смирнов зашагал по направлению к отделу, хотя время еще было. Там он встретится с начальником отдела и Казимовым, дознавателем, про которого поговаривали, что он с большими странностями. Но, как говорится, «кто без греха, пусть первым бросит в меня камень». Усмехнувшись, Смирнов прибавил шагу – ему показалось, что ветер стал холоднее, а это означало приближение грозы.

– Чем порадуете? – мрачно поинтересовался Павел Петрович, обводя подчиненных взглядом исподлобья. – Сдвиги есть? – Он уставился на Смирнова.

Тот поерзал, кашлянул, аккуратно положил перед собой сигарету, которую разминал пальцами.

– Вы же знаете, Пал Петрович, что в делах такого рода выявить мотив сразу практически невозможно.

– Знаю, – кивнул начальник. – Но теперь у вас уже два убийства. – Он взглянул на Казимова. – Есть что сравнить.

– Жертвы совершенно не похожи, – проговорил Смирнов. – Мы тут с коллегой немного пообщались перед совещанием. – Он коротко кивнул Казимову. – Обменялись, так сказать, информацией. Так вот, женщины совершенно не похожи внешне. Работали в разных местах.

– Но они жили в одном районе, – прервал его Павел Петрович. – В нашем! Возможно, они были знакомы с убийцей.

– Мы постараемся найти точки соприкосновения, – пообещал Смирнов. – Может быть, они и друг с другом знакомы были.

– Вы этого до сих пор не знаете?

– Второй труп только утром нашли.

Павел Петрович усмехнулся.

– Надеюсь, ваши орлы там делом заняты? – поинтересовался он у Казимова.

Дознаватель дернул худыми плечами:

– Собирают полное досье, опрашивают свидетелей. Если убитые были знакомы, мы это выясним.

– Уж будьте любезны! – буркнул Павел Петрович. – Работать будете вместе. – Он поочередно ткнул указательным пальцем в Казимова и Смирнова. – Так дело быстрее пойдет. Все остальное забросьте, подождет. Раскрыть эти убийства важнее всего! Если наш псих начнет каждый день мочить по женщине, наши головы слетят в два счета! – Начальник звонко шелкнул пальцами. – Ясно?

– Ясно, – вздохнул Смирнов.

Казимов только кивнул. Было заметно, что он не в восторге от перспективы заниматься этим делом.

– А взлом поликлиники? – робко поинтересовался дознаватель. – С ним что?

– Думаю, это имеет отношение к убийствам, – предположил Павел Петрович. – Постарайтесь найти связь. Проверьте последние поступления в архив. Короче, я вас должен учить работать, что ли?

– Никак нет, Пал Петрович, – отозвался Смирнов.

– Ну, тогда вперед. И чтобы вечером отчитались.

– Есть! – хором выдохнули следователь и дознаватель, вставая.

– Разрешите идти? – спросил Казимов.

– Да, да! – раздраженно махнул рукой Павел Петрович.

– Есть полезные идеи? – без энтузиазма поинтересовался Смирнов у Казимова, когда они вышли из отдела.

– Откуда? – усмехнулся тот. – Я вообще думал, что это дело тебе отдадут.

– Отдали бы, если б не взлом в поликлинике. Поработаем вместе.

– Угу.

– Ничего, – усмехнулся Смирнов, – я не кусаюсь.

Казимов улыбнулся одними губами:

– Ну, тогда все в порядке.

Смирнов внимательно взглянул на Казимова:

– Слушай, тебе действительно так в лом заниматься этими убийствами?

– Вообще-то нет, – помолчав, признался дознаватель.

– Тогда давай посмотрим на утренний труп.

Казимов кивнул. Он чувствовал азарт, хотя и старался этого не показывать. В конце концов, это было настоящее дело, как в американских триллерах, а не банальное ограбление, драка или бытовуха.

Смирнов открыл дверь машины:

– Прошу, мил-сударь. Карета подана.

– Я вот о чем подумал, – начал Казимов, садясь на место рядом с водителем и доставая мятную пастилку. – Первая жертва работала юристом, вторая – медсестрой. Что, если кто-то хотел заткнуть им рот? Причем надежно.

– Все может быть, – кивнул Смирнов, заводя мотор. – Тем более что языки он им запихал сам знаешь куда.

– Да, он как бы намекал на их болтливость.

– Но если бы убийца хотел замести следы, он бы все сделал по-тихому. А тут поработал явный психопат. Он пытал этих женщин и даже не поленился достать из них дерьмо. Думаешь, обычный киллер стал бы этим заниматься?

– Вряд ли, – согласился Казимов.

– Вот и я о том же, – крикнул Смирнов.

Машина тронулась.

– Главное – выяснить, как жертвы связаны между собой. Предлагаю сравнить их досье. Когда твои парни закончат сбор информации?

- Часа через два.
- Я скажу Дымину, чтобы он притащил все, что нарыли. Сядем и проработаем оба досье.
- Вдруг окажется, что эти две тетki знакомы с детства, – вставил Казимов.
- Ну да, – кивнул Смирнов.

Через четверть часа они припарковались рядом с машиной Ратникова. У парадного курил один из оперативников Казимова.

- Ну что? – спросил дознаватель, подходя.
- Там Валера работает.
- Заканчивает?

Оперативник пожал широкими плечами:

- Кто ж его знает? – Он бросил окурок в урну и открыл дверь парадного. – Пойдем?
- Удалось узнать, знакомы ли жертвы? – спросил Смирнов, пока они поднимались.
- Да. У них дети учатся в одном классе.

– Серьезно?! – Смирнов и Казимов переглянулись. – И в какой школе?

– Тут рядом, – махнул рукой опер. – Во дворе, рядом с футбольным полем. Не помню номер.

- Уточни, – велел Казимов. – Надо туда сходить, – добавил он, обращаясь к Смирнову.
- Да. Самим.

Дверь в квартиру убитой была приоткрыта. На площадке стояли сложенные носилки – значит, Ратников почти закончил первичный осмотр.

Смирнов и Казимов вошли в квартиру, опер указал направление:

– Валера там.

– Как тебе зрелище, кстати? – негромко поинтересовался Смирнов, когда они с Казимовым двинулись вглубь квартиры.

- Жуть.
- Ага. Напоминает американские фильмы, правда?
- Немного.

Они вошли в гостиную. Криминалист стоял возле журнального столика, собирая инструменты.

- Как дела? – спросил Смирнов, подавая руку.
- Та же картинка.
- Когда ее убили?
- Между девятью и одиннадцатью утра.
- После того, как ребенок ушел в школу?
- Наверное. – Криминалист защелкнул замки кейса. – Это уже не ко мне.
- Ты сделал отчет по вчерашнему трупу?
- Не успел. Постараюсь к обеду.
- Ладно. – Смирнов бросил взгляд на труп. – Это вы забираете?
- Да, сейчас ребят позову.
- Нашел что-нибудь интересное? – спросил Казимов.

– Да. – Ратников достал платок и промокнул лицо. – В теле Растоповой. Наш парень залил ей в желудок кислоту. Она еще была жива. Как раз это ее и добило.

- Зачем он это сделал? – нахмурился Смирнов.
- Думаю, чтобы причинить боль.
- Что за кислота? – уточнил дознаватель.

– Соляная.

– Он принес ее с собой?

- Наверняка. И пузырек забрал. Советую поискать в ближайших урнах и помойках.
- Скорее уж на газонах, – заметил Казимов.

Смирнов кивнул:

– Поищем. Трудно достать эту кислоту?

Ратников пожал плечами:

– Смотря кому. Если ты работаешь в лаборатории или...

– Это понятно. А, например, в аптеке? Или в магазине?

– Нет, это вряд ли. Я имею в виду, если ты хочешь сделать это, не оставляя следов.

– То есть?

– Сейчас объясню, только парней позову. Пора тут заканчивать. – Криминалист вышел и вернулся через полминуты в сопровождении пары парней, которые тащили носилки. – Выйдем, – предложил криминалист. – Меня уже тошнит от этой вони.

Следователь и дознаватель с радостью последовали за ним.

– Давайте на балкон, – предложил Ратников. – Подышим свежим воздухом.

Казимов вытащил сигарету и зажигалку. Смирнов покосился на него, но ничего не сказал. Он бы тоже с удовольствием закурил.

– Итак? – обратился он к медэксперту.

– Убийца закачивал кислоту через шланг или трубку, – пояснил Ратников. – Поэтому я не могу сейчас сказать, заливал ли он ее в желудок сегодняшней жертве. Нужно провести вскрытие. Но думаю, почерк убийцы прежний.

– А что насчет того, как можно достать кислоту? – напомнил Казимов.

– Через Интернет можно купить почти любой реактив. Так что приобретение соляной кислоты не проблема. Вот только останутся документы: чеки, накладные.

– В нашем районе есть химические лаборатории?

– Конечно. Две экспертные и еще три при училищах и институтах.

– А в школе может быть соляная кислота? – спросил Казимов, повинуясь наитию.

– Безусловно. В химическом кабинете полно всяких кислот.

Смирнов и дознаватель переглянулись.

– И трубки?

Ратников кивнул:

– Конечно.

– Я поручу Павлову узнать, не покупал ли кто-нибудь кислоту в лабораториях, – сказал Казимов.

– А дома можно изготовить соляную кислоту? – поинтересовался Смирнов.

– Конечно. Для этого нужны поваренная соль, серная кислота, газоотводная трубка, колба, капельная воронка и склянка с водой. Еще можно подсоединить холодильник.

– Химиком быть не обязательно? – уточнил Казимов.

Ратников покачал головой:

– Справится и школьник.

Помощники Ратникова тем временем уложили труп в черный пластиковый мешок и погрузили на носилки. Один из них заглянул на балкон, чтобы сообщить об этом криминалисту.

– Все? – спросил Ратников, взглянув на собеседников. – Я свободен?

– Да, спасибо, – отозвался Смирнов. – Не забудь отчет прислать.

– Как только, так сразу, – пообещал криминалист, уходя с балкона.

Казимов выбросил окурок.

– Ну что?

– Предлагаю, пока Павлов будет обзванивать лаборатории, заглянуть в эту школу. И надо поговорить с родственниками погибших. Вдруг они знают, кто мог иметь зуб на убитых.

– Юрист и медсестра, – медленно проговорил Казимов. – И отрезанные языки. Если они что-то знали, это могло быть связано с судебным разбирательством или иском, который предъявили поликлинике.

– И поэтому ночью кто-то залез в архив, – добавил Смирнов. – Надо выяснить, не было ли жалоб на поликлинику.

– Но из-за этого ведь не убивают, верно?

– Смотря чем разбирательство грозило виновным. А убивают и не за такое, знаешь ли.

Казимов кивнул. Он знал это не хуже следователя. Сколько через его руки прошло бытовых убийств, причиной которых послужила ссора из-за криво повешенного полотенца, не вытертых в прихожей ног, упавшей бутылки с недопитой водкой. Иногда ему казалось, что людям нужен только повод, чтобы пырнуть своего ближнего ножом или забить молотком.

– Заткнуть рот или наказать за болтливость – это разные вещи, – задумчиво произнес Смирнов. – Во втором случае должен быть тот, кто в курсе причин убийства.

– Тот, кому одна из жертв все рассказала, – подхватил Казимов. – Или обе.

– Если убийце это стало известно, то он, конечно, знает имя и этого человека. Значит, будет еще смерть. Минимум одна.

– Мне кажется, нужно проработать надпись.

– «Помни о девяти»?

– Да. Это ключ.

– К чему?

– Мне кажется, если понять послание, то станет ясно, наказали этих женщин или просто заставили замолчать. Подстраховались, так сказать.

– Если это связано с судебным иском, то многие должны быть в курсе. Не только убитые.

– Согласен. И все-таки я бы начал с цифры.

Смирнов кивнул:

– Ладно, так и сделай. Изучи все, что найдешь, поройся в Интернете. Там должны быть энциклопедии символов.

– А ты? – спросил Казимов.

– Я схожу в школу. Думаю, прямо сейчас, пока не кончились уроки.

– Знаешь, что меня удивляет?

– Ну?

– Ратников сказал, что для получения соляной кислоты нужна серная, так?

– Да, и что?

– Если у убийцы была серная кислота, зачем ему делать соляную? Она бы ему отлично подошла.

Смирнов поскреб подбородок.

– Значит... Ему нужна была именно соляная.

– Вот именно, – покачал головой Казимов. – Но почему?

– Поразмыслим об этом потом, а сейчас я в школу. Давай встретимся в отделе перед обедом, заберем отчет Ратникова, если он соизволит его переслать, и сравним впечатления.

Казимов кивнул:

– Хорошо. Значит, поделимся.

Они вернулись в комнату.

– Ну, до встречи. – Смирнов протянул дознавателю руку. Тот пожал ее:

– До скорого.

Глава 3

Казимов сел в кресло и откинулся на мягкую спинку. Он еще не понял, рад он, что ему пришлось заниматься этими убийствами, или нет. Смирнов казался вполне адекватным полицейским, но Казимов не доверял людям. Особенно своим коллегам. Кроме того, ходили слухи, что Смирнов – мужик со странностями. Поговаривали, будто после смерти сестры у него поехала крыша, хотя никто не мог толком объяснить, в чем это заключается. Казимов раньше пересекался со следователем на совещаниях и по мелочи, в основном из-за бытовухи, вместе они не работали. Теперь же они стали, как сказали бы в Америке, напарниками. Казимов при этой мысли усмехнулся. Да уж!

Он включил компьютер и придвинул пепельницу. Хорошо, если ему удастся понять, что означает послание убийцы, при помощи Интернета, подумал Казимов. Тащиться в Публичную библиотеку не хотелось.

Монитор загорелся, на нем появилось приветствие, быстро сменившееся картинкой рабочего стола: один из постапокалиптических пейзажей Бексиньского. Казимов секунд тридцать задумчиво смотрел на переплетенные кости насекомоподобных мутантов, расплюснутых по стенам, а затем щелкнул по значку браузера. В открывшемся окне набрал «Символика девять», нажал ввод и полез за сигаретами. Прочитал выпавшие ссылки, щелкнул по нескольким, закурил и принялся читать. Минуты через две Казимов достал из кармана блокнот, ручку и начал делать пометки.

Приходилось читать все подряд, чтобы не пропустить важное. Большая часть информации едва ли могла иметь отношение к убийствам, хотя кто может угадать, чем руководствовался садист, когда делал на телах своих жертв кровавые надписи. Казимов выписывал только то, что, как ему казалось, могло оказаться полезным.

Когда он закончил, был почти полдень. Затушив в пепельнице четвертую сигарету, Казимов перечитал сделанные пометки. Набралось не так уж много и при этом ничего определенного.

Во-первых, он записал, что в китайской «Книге ритуалов» девятка означает девять основных ритуалов, в число которых входит жертвоприношение. Это едва ли имело отношение к молчанию, но пока не стоило пренебрегать ничем. В конце концов, то, что убийца отрезал женщинам язык, чтобы наказать за болтливость, – не более чем предположение. С той же вероятностью он мог засунуть их во влагища, намекая на нетрадиционную сексуальную ориентацию убитых. Может быть, они были лесбиянками и какому-нибудь поборнику нравственности это не давало покоя.

Во-вторых, Казимов пометил, что в разных религиях девятка символизирует ад. Кроме того, это число считалось мужским и ассоциировалось с маскулинным началом. А в почерке убийцы так или иначе проявлялся интерес к женским гениталиям, положительный или отрицательный – должны сказать психологи.

Далее Казимов записал, что в иудаизме девятка – символ правды, истины.

На первый взгляд ничего из этого не подходило. Возможно, он руководствовался при отборе неверными критериями? Казимов решил набрать в поисковике полный текст послания: «Memento 9». Безрезультатно. Тогда он перевел фразу на русский: «Помни 9». Напрасно. Еще одна попытка: «Помни о девяти». Казимов достал новую сигарету и закурил. Он так ничего и не смог выяснить. Либо число девять имело значение лишь для убийцы, либо он не понимал, где искать. Казимов сидел и курил, выпуская дым через ноздри, пытаясь понять, кому могло быть адресовано послание. Если полиции, то его смысл должен быть очевиден. Если же это предупреждение другим потенциальным жертвам, то ему едва ли удастся догадаться, что оно

означает. Оставался еще третий вариант: убийца мог оставить послание самим жертвам. Так сказать, бросить им последний укор.

На столе зазвонил телефон. Дознаватель поднял трубку.

– Лейтенант Казимов слушает, – проговорил он.

– Это я, – услышал он голос Смирнова. – Через десять минут буду в отделе. Ты там?

– Да. Узнал что-нибудь?

– Как сказать. Есть кое-что необычное. Думаю, тебе понравится. А у тебя как дела?

– По нулям. Прошерстил Интернет, но, по-моему, ничего подходящего не нашел.

– Ладно, подъеду и вместе посмотрим.

– Давай.

Казимов повесил трубку. Он испытывал что-то вроде ревности: Смирнов вернется с уловом – следователь намекнул на странности, которые обнаружил в школе. А он зря просидел утро в кабинете. Дознаватель еще раз перечитал записи в блокноте и с отвращением отодвинул его на край стола.

Расставшись с Казимовым, Смирнов отправился в школу, где учились дети обеих убитых женщин. Это было серое здание, позади которого находилось новое футбольное поле с искусственной травой, обнесенное железной сеткой, а перед фасадом – детская площадка с фанерной пожарной машиной, красной горкой и прочими развлечениями.

Смирнов припарковался на дорожке справа и пару минут наблюдал за зданием. Детей видно не было – уроки еще не кончились. Его взгляд привлекли стеклопакеты на всех окнах – школа явно была не бедная.

Следователь вышел из машины и направился к входу. Однако открыть дверь ему не удалось – она была заперта. Зато рядом имелась кнопка звонка. Смирнов нажал ее и услышал приглушенный сигнал.

– Что вы хотите? – раздался голос из динамика – оказалось, что под звонком есть еще решетка, вроде тех, что делаются в домофонах.

– Старший лейтенант Смирнов, полиция.

Электронный замок щелкнул, и следователь потянул дверь. Через пять секунд он стоял перед турникетом.

– Удостоверение можно? – проговорил дюжий охранник в сером камуфляже, явно бывший военный.

Смирнов достал корочки.

– Вы к директору? – поинтересовался охранник, снимая трубку стоявшего перед ним телефона.

– Да. Как его зовут?

– Людмила Борисовна. Минуточку. – Охранник быстро нажал несколько кнопок. – Алло, это Виктор. К вам из полиции. – Короткая пауза. – Не знаю. Хорошо. Проходите, – кивнул охранник, вешая трубку.

Он нажал под столом на кнопку, и турникет загорелся зеленым.

– Спасибо, – поблагодарил Смирнов.

Он был заинтригован. С виду школа выглядела вполне обычной, но оказалось, что попасть в нее не так уж просто.

– Как у вас все строго, – заметил он, не торопясь уходить.

– Да, – согласился охранник. – Кабинет директора на втором этаже. Вот по этой лестнице.

– Ясно. – Взгляд Смирнова упал на сенсорные экраны турникета. – Вы пропускаете детей по карточкам?

– Да.

– Здорово. А если ребенок ее забыл?

– Забираю дневник, – нехотя ответил охранник. Беседа его явно тяготила. Кивнув, Смирнов направился к лестнице.

Правую стену фойе занимал прозрачный стеллаж, на полках которого стояли многочисленные кубки и лежали сафьяновые коробочки с медалями. Похоже, школа могла похвастаться значительными спортивными успехами. Смирнов притормозил и прочитал пару надписей на подставках. «За строевую подготовку», «За спортивное ориентирование», «За победу в военном смотре». Странные номинации.

Он обернулся, чтобы расспросить охранника, но наткнулся на его тяжелый взгляд и передумал: лучше поговорить с директором. Она наверняка не откажет себе в удовольствии похвастаться успехами учеников. А из этого типа каждое слово придется клещами вытаскивать.

Следователь открыл пластиковую дверь и начал подниматься на второй этаж. На лестнице слегка пахло хлоркой – должно быть, ее недавно помыли. В коридоре было пусто. Из какого-то кабинета доносилась музыка.

Кабинет директора находился напротив лестницы – обшитая рейками коричневая дверь с белой табличкой посередине. Фамилия, имя, отчество директора, дни и время приема.

Смирнов постучал и открыл дверь.

Директриса была женщиной лет пятидесяти, с копной черных волос, уложенных напоподобие птичьего гнезда. Худошавая, в сером костюме, она напоминала функционера советского аппарата.

– Доброе утро, – проговорил Смирнов, оглядываясь по сторонам.

Кабинет, как и фойе, походил на зал славы. Здесь был забитый кубками шкаф, на стенах висели медали и дипломы в рамках. Никак не меньше двух десятков. Смирнову пришло в голову, что это, наверняка, далеко не все награды, которыми может похвастаться школа.

– Присаживайтесь, – предложила директриса, указав на один из свободных стульев.

– Благодарю. – Смирнов разместился за столом, который стоял перпендикулярно к столу, за которым сидела директриса.

– Я лейтенант Смирнов. – Следователь вытащил удостоверение и протянул хозяйке кабинета.

– Я вам верю, – отказалась та смотреть документ. – Что случилось?

– За два дня – вчера и сегодня – убиты две женщины, – начал Смирнов серьезным, деловым тоном. – Дети обеих – ученики вашей школы.

На лице директрисы отобразилось изумление.

– И кто? – проговорила она изменившимся голосом.

Смирнов достал блокнот, хотя отлично помнил фамилии обеих убитых.

– Растопова и Миронова.

Директриса на пару секунд задумалась.

– Помню таких, – проговорила она медленно. – Из шестого «А». – Она явно имела в виду детей, а не их родительниц.

– Что, оба? – невольно вырвалось у Смирнова.

– Да. Секунду. – Директриса взяла мобильник. – Сейчас я вызову классного руководителя.

Она набрала номер и прижала трубку к уху.

– Алло! Николай Дмитриевич, спуститесь ко мне. – Пауза. – Ну, так дайте им задание, и пусть сидят делают. Все, я вас срочно жду!

Директриса захлопнула «раскладушку» и подняла глаза на следователя:

– Как они погибли?

– Трудно сказать... в интересах следствия эта информация пока не разглашается.

Директриса понимающе кивнула:

– Да-да, конечно.

Она взглянула на дверь и нетерпеливо побарабанила пальцами по столу.

– Я вижу, у вашей школы много наград, – вежливо заметил Смирнов.

– Стараемся, – дежурно улыбнулась директриса.

– Много у вас учителей? – поинтересовался следователь, просто чтобы занять время.

– Пятьдесят восемь.

Паузу нарушил мужчина лет сорока, приоткрывший дверь кабинета.

– Вызывали? – спросил он, переступая порог.

– Да-да, – оживилась директриса. – Входите, Николай Дмитриевич.

Учитель сел на стул напротив Смирнова. Следователь обежал его глазами. Лысоватый, в очках с толстой черной оправой и сером костюме. Из кармана торчит ручка.

– Вот, Николай Дмитриевич, в вашем классе ЧП, – проговорила директриса, указывая почему-то на следователя.

Мужчина перевел на Смирнова вопросительный взгляд.

– Убиты две... родительницы, – продолжала директриса, – ваших учеников. Растопова и Миронова.

На лице преподавателя отразилось смятение. Он явно не понимал, при чем здесь он.

– Дети сейчас где? – спросила директриса.

– Миронова в школе, а Растопова отпросила сестра, – проговорил классный руководитель. – Сказала, что у них семейные обстоятельства.

– Вам известно что-нибудь о матерях этих учеников? – вмешался Смирнов.

– Да так, общие сведения, – растерянно отозвался учитель.

– Можете предположить, кто имел на них зуб?

– Нет. Я с ними знаком постольку-поскольку.

– Что это значит?

– На собраниях видел.

– Дети проблемные?

– Растопов состоит на школьном учете.

– Значит, с его матерью вы виделись часто?

– Ну да. Примерно раз в месяц, иногда два. Сейчас мальчик поспокойнее стал, а раньше приходилось чуть ли не каждую неделю звонить домой.

Директриса при этих словах кивнула.

– Непростой ребенок, – подтвердила она. – Мать его как воспитатель совершенный ноль.

– Почему? – заинтересовался Смирнов.

– Ей очень хотелось, чтобы Витя был как дрессированная собачка. – В голосе директрисы появились сочувственные нотки. – Сделай то, не делай этого. А ребенок – личность, он не может действовать как робот.

– Вы рекомендовали ей обратиться к психологу? – сам не зная почему, брякнул Смирнов.

Классный руководитель усмехнулся.

– Что? – насторожился следователь.

– Рекомендовали, – ответила за учителя директриса. – Она заявила, что ей стало еще труднее справляться с ребенком. Якобы психологи его испортили.

– Ясно, – сказал Смирнов. – Она подавала официальную жалобу?

– Да, в прокуратуру. Можете там узнать, если хотите. У вас есть вопросы к Николаю Дмитриевичу?

– Даже не знаю. Могу я попросить вас показать мне школу? – обратился следователь к учителю.

Тот вопросительно взглянул на директрису.

– Конечно, покажите, – отозвалась та. – У вас ведь сейчас окно будет?

– Вообще-то нет, – проговорил мужчина. – Да и класс у меня оставлен...

– Давайте я покажу. – Директриса поднялась с кресла. – Идите, Николай Дмитриевич, работайте.

– До свидания, – попрощался классный руководитель с явным облегчением.

– Что вас интересует? – спросила директриса, когда тот вышел.

– От погибших поступали жалобы на школу или учителей? – спросил Смирнов, проводив мужчину взглядом.

Повисла короткая пауза, затем директриса резко сказала, снова садясь в кресло:

– Да. На Николая Дмитриевича от Растоповой и на Диану Евгеньевну от Мироновой.

– Диана Евгеньевна – это кто?

– Учитель биологии.

– Когда поступили жалобы?

– От Растоповой в прошлом году, а от Мироновой – полтора месяца назад.

– Тоже в прокуратуру?

– Нет, в Комитет образования.

– И на что она жаловалась?

– Миронова-то? – Директриса усмехнулась. – Дочка ни черта не делает, так она была в претензии, что ей оценки ставят, видите ли, плохие. Радовалась бы, что на второй год не оставили!

Она явно была возмущена, хотя и старалась держать себя в руках. Должно быть, та история не прошла гладко, решил Смирнов.

– Приезжали из комитета?

– А как же!

– Ну и как?

– Все в порядке. Жалоба признана необоснованной. Диана Евгеньевна – прекрасный педагог.

– А на что жаловалась Растопова?

– На то, что классный руководитель не обеспечивает безопасность ее ребенку, – ответила директриса мрачно. – Бред на самом деле. Витя очень трудный мальчик и скорее сам представляет опасность для других учеников.

– Драки? – уточнил Смирнов.

– Да. Были и травмы. Но в тот раз ему самому досталось. Вот мамаша и взвилась. Наверное, думала, что, если она нажалуется, ему тут же троек наставят вместо двоек! – Директриса фыркнула.

– Наставили?

– Как бы не так! Исправлял свои оценки как миленький.

– Но и эта история закончилась благополучно, в конце концов, верно?

Директриса кивнула:

– Да, конечно. А как же иначе? У нас тут нет телохранителей.

– С тех пор Витя вел себя нормально?

– Когда как. Но вообще немного успокоился, в себя пришел.

– Почему?

– Понятия не имею.

Было заметно, что директрису это несколько не интересует.

– Вы сказали, что готовы провести для меня экскурсию, – улыбнулся Смирнов.

– Да, идемте. – Женщина поднялась.

Они вышли из кабинета, и директриса указала направо:

– Там библиотека и кабинет истории. Вообще на втором этаже располагаются младшие классы. Внизу спортзал и столовая. Что вас все-таки интересует?

– Кабинеты технических дисциплин.

– Труда, что ли?

– Нет, химии и физики.

Директриса нахмурилась.

– Зачем вам это?

– Просто хотел бы взглянуть.

– Тайна следствия?

Смирнов усмехнулся, давая понять, что принимает это за шутку.

– Допустим.

– Хорошо. Тогда нужно подняться на четвертый этаж.

Через три минуты директриса указала на дверь:

– Вот кабинет физики. Это лаборантская, – добавила она, берясь за ручку двери поменьше. – Будете смотреть?

– А где кабинет химии?

– Здесь, рядом. – Директриса указала на соседнюю дверь.

Зазвенел звонок, заставив Смирнова вздрогнуть от неожиданности. Тут же в дальнем конце коридора распахнулась дверь, и из нее высыпала орава вопящих учеников.

– Давайте посмотрим, – поспешно сказал следователь, желая как можно быстрее укрыться от несущейся на него лавины.

Директриса открыла дверь, и они вошли в узкое помещение с одним окошком. Вдоль стен стояли шкафы и столы, на которых размещались коробки, штативы и химическая посуда.

– Это лаборантская, – пояснила директриса. – Ума не приложу, что тут интересного!

Она остановилась на пороге, сложив руки на груди. Смирнов прошелся по комнате, осторожно заглянул в пару коробок, обнаружив там наборы колб и пробирок, открыл один за другим шкафы, прочитал надписи на этикетках попавшихся на глаза реактивов.

– Кто имеет сюда доступ? – спросил он.

– Учитель и лаборант.

– И больше никто?

Директриса усмехнулась.

– В учительской есть набор запасных ключей. При желании любой может взять нужный и войти сюда.

– Я заметил в коридоре видеорекамеры. Они снимают эту часть коридора?

– Конечно.

– Можно посмотреть записи?

– Какие записи?

– Вы же ведете видеосъемку?

Директриса приподняла брови.

– Разумеется, нет. На это никаких винчестеров не хватит. Камеры здесь только для наблюдения. Я могу, конечно, включить запись, но никогда этого не делала.

– Значит, мониторы стоят в вашем кабинете?

– Да.

– Я их не заметил.

– Они в соседней комнате.

Смирнов подошел к двери, ведущей в коридор. Снаружи доносились вопли и топот ног.

– В чем дело? – спросила директриса. – Какое отношение к убийствам имеет кабинет химии?

– Мне нужно поговорить с учителем, – вместо ответа сказал Смирнов.

– Александр Павлович! – Директриса сделала шаг к двери в кабинет и приоткрыла ее. – Зайдите, пожалуйста.

Через десять секунд перед полицейским предстал внушительных габаритов мужчина в сером свитере, красном галстуке и брюках свободного покроя, заправленных в сапоги на шнуровке – сменной обувью он явно пренебрегал.

– Я старший лейтенант Смирнов, – представился, опережая директрису, следователь. – Могу я задать вам несколько вопросов?

– А в чем дело? – нахмурился великан. Его рыжеватые брови сошлись на переносице, образовав прямую линию.

– Мне поручено дело... об убийствах. Погибли две женщины, матери учеников вашей школы.

– Какой класс?

– Шестой.

– Я у них не веду.

– Понимаю. Но это касается реактивов.

– Как?

– У вас есть соляная кислота?

– Конечно. – Химик шагнул к одному из шкафов, распахнул дверцу и достал с верхней полки склянку объемом семьсот миллилитров. – Пожалуйста. – Он протянул ее полицейскому.

– Это все?

– Ну да. Если будет надо, еще сделаю.

– У вас есть необходимая аппаратура? – Смирнов понимал, что есть, но должен был задать этот вопрос для очистки совести.

Химик кивнул.

– Где она?

– В этой коробке. – Учитель указал на ближайший стол.

– Не могли бы вы проверить, на месте ли она.

Химик пожал плечами, но коробку открыл.

– Да, все здесь.

– Давно вы ею пользовались? – поинтересовался Смирнов, подходя ближе.

– Уже и не помню. В сентябре, наверное.

– Посмотрите, нет ли на ней каких-нибудь следов.

– Что значит следов?

– Мог кто-нибудь воспользоваться ею без вас?

Учитель вздохнул и достал несколько предметов.

– Все чистое, сухое, – проговорил он, разглядев их на свет. – По-моему, никто не брал. Да и зачем?

– До которого часа работаете вы и лаборант? – спросил в свою очередь Смирнов, игнорируя вопрос учителя.

– Я до четырех, а она до пяти.

– Где она сейчас?

– Не знаю. Может быть, в кабинете физики.

– У нас одна лаборантка на два кабинета, – пояснила директриса.

– Ладно, спасибо. – Смирнов кивнул химику. – Теперь я бы хотел поговорить с лаборанткой.

– Пойдемте, – вздохнула директриса.

Они вышли в коридор. Перемена еще не закончилась, и повсюду были дети. Взгляд Смирнова упал на камеры под потолком. Он невольно вздрогнул: эти были самые опасные, они следили за людьми, поджидая, пока те оступятся. Его бы воля, он бы этих...

– Сюда, – сухо сказала директриса, открывая дверь.

Смирнов вошел следом и сразу увидел невысокую женщину в круглых очках, расставившую на пластмассовом поддоне металлические рамки. Перед ней лежала груда сине-красных магнитиков и валялось несколько медных катушек.

– Зинаида Ильинишна, у товарища есть к вам вопросы, – с ходу заявила директриса, садясь на черный коленкорый стул, стоявший возле входа.

– Да? – с готовностью обернулась лаборантка, воззрившись на следователя поверх очков. – Слушаю.

– Когда последний раз пользовались химической посудой для изготовления соляной кислоты? – спросил он.

– Если не ошибаюсь, в начале года.

– А потом?

– Не припоминаю.

– У вас свой ключ от кабинета?

– Да, вот он. – Лаборантка продемонстрировала ключ на пластмассовом брелоке.

– Вы его не теряли?

– Нет.

– Я ведь говорила, ключи есть в учительской, – с легким раздражением напомнила директриса.

– Да, верно, – кивнул Смирнов, притворно смутившись. – Ладно, спасибо.

– Что-нибудь еще? – осведомилась директриса, когда они вышли.

Следователь открыл было рот, чтобы ответить, что хотел бы поговорить с учащимися шестого «А», но в этот момент распахнулась дверь кабинета напротив, и из него вышел Николай Дмитриевич. Заметив директрису и полицейского, он кивнул, а затем стал запускать детей в класс.

Наблюдая за этим, Смирнов подумал о том, что кабинет классного руководителя шестого «А» расположен в непосредственной близости от лаборантских, и тот мог спокойно зайти в одну из них и воспользоваться посудой или позаимствовать соляную кислоту. А пропажу части жидкости замаскировать, долив в остаток воду.

– Ну так что? – нетерпеливо проговорила директриса, выводя Смирнова из задумчивости.

– Могу я поговорить с учащимися шестого «А»?

– Не думаю. При этом должен присутствовать представитель детской комнаты милиции, а также необходимо согласие родителей.

– Понимаю, но я имею в виду неофициальную беседу. В конце концов, вы сами можете задавать вопросы, а я только поприсутствую.

– Что вы хотите узнать? – недовольно спросила директриса.

– Как они относятся к Ратникову и Мироновой.

– Зачем это?

– Дети тонко чувствуют, если у их товарищей дома проблемы, – тут же сочинил Смирнов.

– Вы психолог?

– Немного. Профессия обязывает. Ну так как?

Директриса задумалась.

– Хорошо, – согласилась она через несколько секунд. – Напишите свои вопросы. Пойдемте в кабинет, там будет удобнее.

Они быстро спустились на второй этаж.

– Сколько учеников вызывать? – осведомилась она, занимая место за столом.

– Всех. Но по одному. И хорошо бы сделать так, чтобы они после разговора со мной друг с другом не общались.

Директриса нахмурилась.

– Ладно, пишите пока вопросы. – Она протянула Смирнову бумагу и ручку. – А я все организую.

С этими словами она встала и вышла, оставив Смирнова в одиночестве. Следователь быстро накидал десяток вопросов и откинулся на спинку стула.

Школа произвела на него двойственное впечатление. С одной стороны, было заметно, что район ее спонсирует. Об этом свидетельствовали и стеклопакеты, и линолеум, и пальмы в кадках, и дерматиновые диванчики в рекреациях. С другой стороны, явно ощущалась зацикленность на спорте. Читая развешанные на стенах кабинета грамоты и дипломы, Смирнов не заметил ни одного, врученного за победу в олимпиаде по литературе, русскому, истории или математике. Повсюду только строевые, эстафеты, смотры и так далее. Казалось, школа буквально пышет здоровьем. Смирнов решил, что должен повидать учителя физкультуры.

Вошла директриса.

– Все в порядке, – сообщила она, поманив следователя за собой. – Мы пойдем в актовый зал, оттуда есть другой выход. Дети не встретятся друг с другом.

– Отлично. – Смирнов поспешно поднялся.

Через пять минут он уже сидел за партой, поставленной в центре актового зала. По другую сторону парты поставили стулья для учеников и директрисы. Здесь было прохладно, отсутствие плакатов на стенах создавало ощущение пустоты. Покрытый ламинатом пол блестел в лучах утреннего солнца, падавших через три больших окна.

Дверь напротив Смирнова открылась, и в зал вошел шестиклассник в сопровождении директрисы. Она указала ему на следователя:

– Тебе зададут несколько вопросов.

Когда они оба сели, Смирнов придвинул листок с вопросами директрисе. Та взяла его и принялась изучать.

– Представься, пожалуйста, – проговорила она, не поднимая глаз.

Мальчик неуверенно взглянул на нее.

– Давай, Андрей, у нас мало времени.

– Меня зовут Андрей, – послушно сказал шестиклассник.

– Фамилия? – бросила директриса.

– Егоров.

– Ты хорошо знаком с Мироновой и Ратниковым? – Это она уже начала зачитывать вопросы Смирнова.

Следователь взял ручку, записал имя и фамилию шестиклассника и приготовился делать пометки.

– Немного, – ответил мальчик.

– Что думаешь о Вите?

Шестиклассник пожал плечами.

– Отвечай честно, – строго сказала директриса.

– Он странный какой-то.

– Что это значит? Объясни.

– Ну, не знаю. Придурочный. – Мальчик с опаской взглянул на директрису.

– Поподробнее, Андрей. Неужели из тебя все придется клещами вытягивать?

– Шутки глупые любит, смеется как больной. Пристает ко всем.

– С кем он дружит?

– С Валькой Щупловым.

– А еще?

– Больше, по-моему, ни с кем.

– А что скажешь про Сашу Миронову?

– Она хорошая.

– Почему ты так считаешь?

Но мальчик не сумел объяснить своей симпатии. Не сумели толком ничего рассказать и другие пятеро детей, которых по очереди приглашала в зал директриса. Все они были замкнуты, терялись и говорили примерно одно и то же.

Зато во время разговора с Валентином Щупловым Смирнов исписал почти целый листок блокнота.

– Ты дружишь с Витей Растоповым? – задала ему вопрос директриса, едва он сел напротив Смирнова.

– Да.

Мальчик был полноват, круглоголов, вокруг маленького носа желтели веснушки. Торчащие уши делали его похожим на игрушку ваньку-встаньку. Темные круги под глазами придавали ему утомленный и болезненный вид.

– А правда, что его маму убили? – поинтересовался шестиклассник, не дожидаясь следующего вопроса.

Директриса воззрилась на Смирнова. Как мальчик мог узнать об убийстве?

– Кто тебе об этом сказал? – спросил следователь, нарушая обещание предоставить директрисе самой задавать вопросы. Та, впрочем, не возражала.

– Витя. Я ему звонил сегодня утром.

– Что ты можешь рассказать о нем?

Шестиклассник задумался. Над его бровями тонкой складкой легла четкая морщинка.

– Это из-за него! – вдруг выпалил он тихо.

– Из-за кого? – встряла директриса, видимо недовольная, что у нее попытались отобрать инициативу.

– Витьки.

– С чего ты взял?

– А вы никому не скажете?

– Рассказывай, а там посмотрим, – строго повысила голос директриса.

– Витя написал про маму письмо Принцессе.

– Какой принцессе? – нахмурился Смирнов, снова влезая в разговор. Шестиклассник показался ему весьма смышленным, и он никак не ожидал, что тот заведет разговор про сказки.

– Принцессе Сибари! – почему-то шепотом пояснил мальчик.

Смирнов заглянул ему в глаза и вдруг понял, что ребенок напуган.

– Что это за принцесса? – спросила директриса.

– Никто не знает. Но она убивает родителей, которые обижают своих детей.

Смирнову показалось, что круги под глазами мальчика стали еще темнее.

– Ничего не понимаю! – не выдержала директриса. – Бред какой-то!

– Расскажи все подробно, – попросил следователь, борясь с желанием взять допрос в свои руки. Но он понимал, что будет лучше, если он останется просто свидетелем.

– Ну, – начал шестиклассник, переводя взгляд со следователя на директрису, – недели две назад в туалетах появились листовки. На них было написано, что есть такая Принцесса Сибари. Она убивает родителей, на которых ей пожаловались дети.

– И как это происходит? – поинтересовалась директриса, хотя было заметно, что она теряет терпение. А сам Смирнов сидел как на иголках: ему вдруг показалось, что он наткнулся на интересный след.

– Нужно написать в любом форуме письмо и подписать «Принцесса Сибари», только обязательно в кавычках.

– И что?

– Тогда она прочитает послание.

– Как?

- Не знаю.
- Ты сам видел эти листовки?
- Да, у меня даже была одна.
- А сейчас?
- Нет, я выбросил.

Смирнов заметил, что мальчик на секунду замялся. Значит, решил сохранить на всякий случай: вдруг и его родители обидят.

– У кого еще есть такие листовки? – спросила директриса, от которой, видимо, обман ученика тоже не укрылся.

- Точно не знаю. У Димы была, у Ромы, у Вити. Больше никто не показывал, по-моему.
- Они писали письма про родителей?
- Не знаю. Они не говорили.
- А ты?
- Нет. Меня родители не обижают.
- А если бы обижали, написал бы?
- Нет.

Мальчик выглядел напуганным, смотреть на него было жалко. Наверное, он и сам уже жалел, что упомянул про листовку.

- Ты сказал, что Витина мама умерла из-за него, – напомнил Смирнов.
- Да, он сам так сказал.

Придется психологу поработать хорошенько! – подумал следователь. Ужасно, когда ребенок считает себя виноватым в смерти матери! Он пометил себе в блокноте: рассказать психологу о том, что узнал.

- Можешь вспомнить, что именно говорил Витя?
- Он написал три дня назад письмо Принцессе Сибари. Попросил, чтобы она убила его маму.
- За что?
- Она запретила ему играть в приставку и сидеть в Интернете.
- За что?
- За плохие отметки.

Смирнов взглянул на директрису. Та была растеряна, должно быть, не знала, что обо всем этом и думать. Следователь испытывал сходные чувства. Он сталкивался с подобной историей впервые.

- А что просит принцесса за... исполнение желания? – спросила вдруг директриса. – Не бесплатно же она соглашается убивать.
- Бесплатно, – ответил мальчик.
- Странно, – заметила директриса.
- Да, – согласился шестиклассник.
- Так у тебя не сохранилась листовка? Может, случайно?
- Кажется, нет.
- А если поискать? – настаивала директриса.
- Ну, я могу попробовать, – сдался ученик.
- Она у тебя в портфеле?
- Да. Сходить?
- Нет, я сама. Дети знают, как выглядит твой портфель?
- Да.
- Хорошо.

Директриса вопросительно взглянула на Смирнова, тот одобрительно кивнул. Она подошла к двери, выглянула в коридор и что-то сказала кому-то из ребят. Через несколько секунд вернулась на место, держа в руке серый с красным портфель.

– На! – Она протянула его Щуплову.

Тот послушно принялся рыться в отделениях и через минуту вытащил измятый, сложенный вчетверо листок. Директриса и Смирнов склонились над ним.

– Здесь нужно указать точный адрес, имя и причину, – заметил следователь. – Витя все это сделал?

– Я не знаю, мы недолго разговаривали, – ответил Щуплов.

– Можешь идти, – сказал Смирнов шестикласснику.

Тот с явным облегчением выскользнул в дверь, через которую выпускали учеников после беседы. Там их встречала завуч и отправляла домой, следя за тем, чтобы они не вернулись и не поговорили с ожидающимися очереди одноклассниками.

– Что все это значит? – спросил Смирнов директрису.

– Первый раз об этом слышу, – заметила та. – Если бы я знала об этих листовках...

– У вас есть Интернет?

– Да. Что вы хотите?

– Посмотреть, сколько было отправлено писем.

– Господи! – Директриса невольно схватилась за сердце. – Вы думаете, многие написали?

– Уверен, что да.

– Но как вы собираетесь искать эти письма? И как их находил убийца? И зачем ему было выполнять нелепые детские просьбы?

– На первые два вопроса я отвечу, а вот на последний – уж извините, – отозвался Смирнов. – Так есть Интернет?

– А дети? – Директриса указала на дверь, за которой томились шестиклассники.

– Отпустите.

– Хорошо. Тогда пойдемте в интернет-класс.

Смирнов встал вслед за директрисой.

– И как вы будете эти письма искать? – повторила она свой вопрос, пока они поднимались на третий этаж.

– Мальчик сказал, что их следовало подписывать «Принцесса Сибари». Думаю, это и есть ключ. Довольно необычное словосочетание. Введя его в кавычках, почти наверняка попадешь на форумы, где дети оставляли свои жалобы.

– А также адреса, – добавила директриса.

– Именно так.

– Интересно, на учителей заказы тоже принимаются? – невесело усмехнулась директриса.

– Хотите от кого-нибудь избавиться?

– Нет, опасаясь лишиться специалистов. Представляете, сколько детей мечтает, чтобы их учителя умерли?

– Легко, – улыбнулся Смирнов.

– Вы были в школе хулиганом?

– Ну, я бы так не сказал.

– Ладно, не важно. Вот мы и пришли. – Директриса открыла дверь.

В классе вдоль стен стояли компьютеры, на каждом столике красовался маленький кактус в пластиковом горшочке. На стенах висели макраме с развесистыми растениями вроде фикусов. Возле доски располагался учительский стол, за которым сидела смуглая брюнетка в обтягивающей кофте и мини-юбке. Она пила кофе из большой разноцветной кружки.

– Евгения Михайловна, это лейтенант Смирнов. Он воспользуется одним из компьютеров.

Учительница воззрилась на полицейского с откровенным недоумением, затем кивнула.
– Вот за этот можно, – проговорила она, ткнув пальцем в ближайший компьютер. На руке сверкнули серебряные кольца.

– Спасибо, – поблагодарил Смирнов, придвигая кресло на колесиках.

– Если я вам понадобится, я в кабинете, – пояснила директриса.

– Хорошо, я еще зайду, – кивнул следователь.

Когда она вышла, он улыбнулся информатичке:

– Надеюсь, я вам не помешаю?

– Сейчас окно, – флегматично отозвалась та, переводя взгляд на монитор.

Смирнов включил компьютер и запустил браузер. В поле поиска набрал «Принцесса Сибари» и нажал Enter.

Выпавшие ссылки делились на три категории: по слову «принцесса», слову «Сибари» и записи, сделанные на форумах учениками, «заказавшими» своих родителей. Первые Смирнова не интересовали. Открыв одну из тех, что относились ко второй категории, он с удивлением обнаружил, что «Сибари» – это древнее японское искусство эротического связывания. Не банальный БДСМ, а эстетическое оплетение женского тела веревками. Несколько просмотренных фотографий его поразили: девушки на них казались фантасмагорическими существами, гибридом плоти и канатов. Невольно Смирнов залюбовался. Ему на ум пришли последние убийства. Жертвы были привязаны, и криминалист забрал веревки в лабораторию. Следователь достал мобильник и набрал телефон Ратникова.

– Алло, Валер? Это Смирнов. Слушай, я знаю, ты обещал отчет к обеду, но у меня только один вопрос.

– Ну? – отозвался криминалист.

– Насчет узлов. Ничего необычного?

Ратников усмехнулся:

– Я смотрю, ты времени зря не теряешь.

– Так что?

– Знаешь, действительно кое-что есть. Это не простые узлы. Мне пришлось слазить в Интернет, чтобы разобраться.

– И?.. – Смирнов почувствовал, как в животе у него что-то сладко сжимается. Это было знакомое ощущение охотничьего азарта – его испытывает человек, напавший на след зверя.

– Это асадзури, японский узел. Напоминает один из морских узлов, описанных в книге Скрыбина.

– Где ты о нем прочитал?

– Говорю же, в Интернете.

– Я имею в виду, на каком сайте?

– Не помню. А что, это важно?

– Возможно. Не помнишь, этот узел имеет какое-нибудь отношение к Сибари?

– К чему?

– Есть такая штука. Искусство связывания.

– Бандаж, что ли?

– Ну, в каком-то смысле. Японское изобретение.

– Хочешь, чтобы я выяснил?

– Нет, я сам посмотрю. – Смирнов уже набирал в поисковике название узла. – Отчет к обеду сделаешь?

– Сказал же.

– Ладно, до скорого.

– Ага, давай.

Смирнов повесил трубку и уставился в монитор. Первая же ссылка подтвердила его догадку: асадзури действительно был одним из наиболее сложных и, как было написано, красивых узлов Сибари. Овладеть им стоило немалого труда. Значит, убийца или долго практиковался делать асадзури специально, чтобы надежно обездвигать своих жертв, или занимался Сибари. Следователь провел минут пять, выясняя, есть ли в городе клубы, в которых практикуются подобные вещи. Оказалось, что их три, причем один из них, «Пленная сакура», находится в Московском районе. Смирнов записал адреса и телефоны всех трех заведений, а затем принялся копировать в текстовый редактор сообщения, подписанные «Принцесса Сибари». Таких оказалось семь. Смирнов расположил их в хронологическом порядке. Его не удивило, что первыми в списке оказались «заказы» на Растопову и Миронову. Похоже, убийца действовал последовательно, и новые жертвы должны были появиться не сегодня завтра. Смирнов пробежал глазами фамилии и адреса потенциальных жертв – почти все проживали в Московском районе, но были и три исключения. Следователь послал файл на принтер, и информатичка вздрогнула, когда тот зажужжал.

– Я кое-что распечатал, – пояснил Смирнов, вставая.

Он забрал выползший листок.

– Спасибо.

Выйдя из кабинета, следователь направился к директору.

– Вот и я, – объявил он, входя. – Мне срочно нужны все данные на этих людей. – Смирнов положил листок на стол.

– Что это? – спросила директор, беря список.

– На них поступили «заказы». От их детей.

– Ужас! Здесь есть фамилии тех, на кого я никогда бы не подумала.

– Возможно, это очередные жертвы, – пояснил Смирнов. – Вся информация нужна срочно.

– Необходимо связаться с этими родителями. У них явные проблемы в семье.

– У них будут проблемы не только с воспитанием детей, если мы не поторопимся.

– Да-да, я понимаю! Я немедленно поручу классным руководителям собрать все сведения.

– Я могу воспользоваться телефоном? Хочу обзвонить этих людей и предупредить.

– Конечно. Идите в канцелярию, там поспокойнее. Это на первом этаже. Я сейчас сделаю копии списка. – С этими словами директриса взяла листок и подошла к окну, где стоял ксерокс.

Спустя полминуты она вручила Смирнову теплый листок.

– Господи, что же это делается?! – пробормотала она, качая головой.

Следователь не стал ничего говорить. Он понимал, что времени совсем мало, и следующее убийство может произойти уже завтра, если не сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.